

Самсонова Наталья

Сагертская

Военная Академия

Наталья Самсонова

Сагертская Военная Академия

«Автор»

2024

Самсонова Н. А.

Сагертская Военная Академия / Н. А. Самсонова — «Автор»,
2024

Ради жениха я отказалась от места в Высшей Академии Целительства. Но это не страшно, ведь в Сагертской Военной Академии, куда хотел поступить мой Стивен, профессора ничуть не хуже. Да, будет сложнее, но трудностей я не боюсь! Вот только у Стивена оказались совсем другие планы... Еще утром я была счастливой невестой, а теперь я знаю, каково предательство на вкус.

© Самсонова Н. А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	28
Глава 4	35
Глава 5	47
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Наталья Самсонова

Сагертская Военная Академия

Глава 1

Квэнти – благородная незамужняя девушка

Квэнни – благородная замужняя женщина

Алвориг – благородный мужчина или юноша

– Ажурно, – выдала моя лучшая подруга, когда едва успела выставить щит, прежде чем нас окатит водой из лужи.

– Что? – переспросила я, не поняв, к чему это слово.

– Отец с матушкой, вернувшись с вод, пришли в негодование от того, как их дочь говорит. А так как матушка у меня проклятийница с большим стажем, она подошла к решению проблемы весьма ажурно, – мрачно выдохнула Нольвен Лавант, старшая дочь Идрис Лавант, самой известной проклятийницы Севера.

Поперхнувшись смешком, я с интересом спросила:

– И теперь у тебя все ажурно?

– Не только, – насупилась подруга. – Матушка изволила внедрить в мой лексикон донельзя странные слова. Меня люди перестали понимать! Хватит греготать!

– Что делать?! Греготать?! – я аж всхлипнула со смеху.

Нольвен мрачно посмотрела на меня и вместо ответа показала неприличный жест, после чего ойкнула и схватилась за руку: между пальцами у нее проскочили яркие искры.

– В общем, я теперь поневоле порядочная девица. Нет, ну чем я виновата?! Они оставили меня с дядюшкой, который всю свою жизнь по казармам! Чему он меня научил, тому научил.

– Как мог, так и воспитал, – подавив смешок, поддакнула я. – Идем скорей, а то опоздаешь на собственный триумф.

– Я уже говорила, насколько я тебе благодарна? И насколько я... агр, насколько я потрясена твоим поступком?

Фыркнув, я только отмахнулась.

Сегодня именно меня должны были вызвать на сцену и назвать лучшей выпускницей Сагертской Академии Исцеления. Я шла к этому статусу долгих пять лет и... И решила отказаться. А ведь мне было приготовлено место в Высшей Академии Целительства. Бесплатное обучение, консультации высших целителей Сагерта и постоянная практика в столичном доме исцеления под руководством истинных мастеров своего дела. Но в этом случае мы со Стевеном, моим женихом, оказались бы в разных учебных заведениях. Ведь он – третий выпускник Сагертской Академии Исцеления. Между нами вклинилась квэнти Тревёр. И как бы я ни подтягивала Стевена, он не смог обойти ее на экзаменах. А потому я решила отказаться от места в Высшей Академии Целительства и пойти вместе со Стевеном в Сагертскую Военную Академию. Будет сложнее, но зато мы будем вместе.

Зато благодаря тому, что мы оба, я и Стевен, уходим в военную академию, Нольвен получит возможность поступить в Высшую Академию Целительства. Без экзаменов. И, что самое главное, ей не придется платить. К сожалению, у семьи Лавант денежные трудности и они попросту не потянут ту зверскую плату, которую взимают там со студентов.

Посмеиваясь, мы влились в студенческий поток и вместе со всеми втекли в главный зал Академии.

– Не забудьте сдать жетоны, – напомнил нам заморенный дежурный и поспешил к следующей группе студентов.

– Ага, сдать, – фыркнула Нольвен. – Все знают, что выпускники оставляют жетоны себе на память!

– Традиция, – я пожала плечами и огляделась. – Давай поближе к сцене, чтобы тебе не пришлось толкаться, когда объявят.

Стевена нигде не было видно. Но, с другой стороны, найти друг друга в такой толпе попросту невозможно. Ничего, найдемся после церемонии представления лучших выпускников.

– Поверить не могу, что моя мечта сбудется, – прошептала Нольвен и нервно потерла ладони. – Неужели мое отрицательное везение ничего не испортит?

В серо-зеленых глазах подруги поселилось беспокойство, а коже побледнела настолько, что проступили все-все веснушки. На фоне огненно-рыжих волос это смотрелось удивительно красиво.

Наконец широкие двери были закрыты, а на сцену поднялся хор первокурсников. Ох, никогда не забуду этот позор. Целый год мы готовились к выступлению и в итоге... нет, не хочу вспоминать.

Первокурсники, почти второкурсники, исполнили гимн Сагертской Академии Исцеления и ушли со сцены. Никто не упал. Впрочем, за все годы такая неудачница была только одна – я.

«Не вспоминай», – приказала я себе.

На сцену поднялся ректор. В его руках был пергаментный свиток. Переждав бурные овации, он развернул свиток и с некоторым удивлением прочитал:

– На сцену приглашается лучший выпускник Сагертской Академии Исцеления – алвориг Стевен Тенеан!

Я, ожидавшая приглашения для Валики Тревёр, поперхнулась воздухом. Что?! Стевен?! Но как же так?

– Это какая-то ошибка, – неуверенно произнесла я.

Но нет, на сцену поднялся мой жених, в новеньком, с иголочки, наряде. С широкой улыбкой он поклонился ректору, принял от него памятный значок и даже посмел проговорить что-то о том, как сильно он старался, чтобы заполнить это место.

Студенты в ответ на это жиденько поаплодировали: истинная таблица успеваемости была вывешена еще позавчера, и Стевен там был на третьем месте.

– Ажуре-еть, – емко выдохнула Нольвен и тут же скастовала на меня заклятье истинного спокойствия. – Жду ответную любезность.

Я, немного заторможенно, повернулась к своей лучшей подруге и наложила на нее такое же заклятье.

– Пойдем отсюда, – попросила Нольвен, когда на сцену пригласили квэнти Тревёр.

Хмуро зыркнув на дежурного, который попытался не дать нам открыть двери, мы выскочили наружу. Вокруг нас тут же закружились иллюзорные бабочки – часть традиционного прощания с выпускниками. Теперь эти клятые насекомые будут сопровождать нас до заката! Даже странно вспоминать, как мы подбирали цвета для этих бабочек, чтобы они идеально гармонировали с нашими нарядами...

– Знаешь, какое-то плохое заклинание. Некачественное, – буркнула я. – Оно должно дарить спокойствие, а я планирую, как прикончить Стевена и не попасть в лапы Стражей Закона!

Нольвен отмахнулась от бабочки и хмыкнула:

– Хладнокровно и поэтапно планируешь?

– Да.

– Превосходное действенное заклятье, – подытожила Нольвен. – Я ведь не бьюсь в рыданиях. Что очень хорошо, ведь это было бы крайне неудобно.

– Неудобно? – Я поймала бабочку и раздавила иллюзию между пальцев.

– Неудобно одновременно сочувствовать лучшей подруге и оплакивать свою собственную судьбу. Обязательно что-нибудь да упустишь. Не дави их, больше станет.

Я пронаблюдала, как из одной уничтоженной иллюзии появилось сразу три, и вздохнула:

– Прямо как с прыщами.

– Ты дипломированный целитель младшей ступени, – напомнила Нольвен. – Тебе стыдно даже думать о прыщах. Сколько серебрушек мы заработали, избавляя от этой пакости менее одаренных сокурсниц? А сокурсников?

Кивнув, я усмехнулась:

– Парни выгодней. Они приплачивают сверху, чтобы никто не узнал об их обращении к сокурсницам-недоучкам.

Мы шли по оживленным улицам, перебрасывались короткими фразами и совершенно не представляли, что делать дальше. Увы, но Нольвен не сможет поступить в Сагертскую Военную Академию. Нет, не так. Она не сможет поступить на бесплатное место – не тот профиль. У нее уклон в зелья, а там... Военной академии не нужны чистые зельевары. Как оказалось, Высшей Академии Исцеления тоже чистые зельевары не нужны. А про академию Стихий я и вовсе умолчу: никто не знает, что там происходит и куда потом идут выпускники этого самого закрытого учебного заведения.

– Куда пойдем? – тихо спросила Нольвен.

А я только плечами пожала. Сегодня весь наш курс должен был праздновать в ресторане. Собственно, почему был? Они и будут веселиться до полуночи, а после бабочки взлетят в небо и раскрасят его фейерверком. Но мы...

– Давай для начала ко мне, – решила в итоге я. – Разорим кухню, налопаемся вкусностей и будем думать. И обновлять друг на друге заклатья, потому что...

– Плакать хочется? – участливо спросила Нольвен. – Мне тоже.

– Мне больше хочется бить посуду, – честно признала я.

И тогда подруга негромко шепнула:

– А мне хочется вспомнить то, чему меня учила мама. Когда они с папой еще жили дома.

О, наука урожденного мастера проклятий...

– Меня сдерживает только то, что тебе за Стевена еще замуж выходить, – с чувством добавила Нольвен. – Иначе ходить ему с лишаем и гнойниками.

– Обнови на мне заклатье, – выдавила я.

От этой простой истины, высказанной подругой, мне резко поплохело. Мы со Стевенom обручены еще до первого курса. Так решили наши родители, и у нас было пять лет, чтобы привыкнуть друг к другу. Привыкнуть до любви, как я думала. Ведь Стевен вел себя как настоящий мужчина – он красиво ухаживал, заботился и не обращал внимания на других девиц. И не подпускал ко мне никого из сокурсников. Даже наша с Нольвен подпольная врачевальня тщательно скрывалась от Стевена. Конечно, первые несколько лет у нас были сложности, но потом все как-то сложилось. И теперь – развалилось.

– Ты чего? – Подруга аккуратно тронула меня за плечо.

– Мне плохо, – мрачно ответила я.

Свернув у пекарни, мы вошли на территорию нашего особняка. Ухоженный сад уже не радовал своими яркими красками. Как и развешенные всюду праздничные ленты и шары – матушка расстаралась.

– Мэль? – Мама сидела с книгой на террасе. – А где Стевен? Почему вы не празднуете?

– Ресторация заказана на вечер, – напомнила я. – А Стевен... Не знаю, хватит ли ему совести прийти сюда.

С этими словами я вошла в дом и сразу же направилась на кухню.

– Танира, ничего не спрашивай, все плохо, мы должны поесть, – трагично произнесла я, и тут же передо мной материализовалась тарелка с бутербродами, кувшин с морсом и два стакана.

– А что случилось? – не удержалась наша кухарка.

– Садись с нами, – предложила Нольвен и отлевитировала все в сторону, на маленький столик.

Танира тут же налила себе чай и устроилась рядом с нами.

– Ты же помнишь, что я собиралась вместе со Стевеном в Военную Академию?

– Помню, деточка, как не помнить. Ох и тяжело тебе там придется, порядки-то совсем иные, – вздохнула кухарка. – Казарма – она казарма и есть, хоть Академией ее назови, хоть школой.

– Да только Стевен передумал, а мне не сказал, – выпалила я. – Сегодня его называли лучшим выпускником!

Я сделала вид, что не разобрала, что именно сказала Танира. А Нольвен показала ей большой палец и добавила:

– Полностью солидарна, но, увы, я нынче лишена возможности откровенно говорить о наболевшем.

– Чего? – оторопела Танира.

– Мама меня прокляла, чтобы привести мою вербальную коммуникацию в надлежащий вид.

– А?

– Нольвен больше не может ругаться, – пояснила я. – Совсем.

Танира тяжело вздохнула и пододвинула нам блюдо с бутербродами. После чего встала и вытащила из холодильного шкафа огромный торт.

– Ешьте, бедные мои. Что ж вы дальше делать-то будете? Это ж какой лживый тебе муж достался, деточка моя. Ой, негодящий.

Причитая, Танира принялась составлять на стол приготовленные для ужина вкусности. А мы с Нольвен, переглянувшись, принялись за торт. Ну его к Хаосу, жениха моего недоделанного! Торт не вечен, а Стевен никуда не денется.

– И все же, – задумчиво произнесла Нольвен. – Что ты будешь делать?

– Не знаю.

– А если к бабушке пойти? Старшая квэнни Конлет довольно, м-м-м, интересная личность.

– Родители проклянут, – хмуро отозвалась я. – Сколько раз ты меня прикрывала, когда я к бабуле бегала? То-то же.

Кухонная дверь с грохотом распахнулась, и мы, обомлевшие, увидели Стевена во всем его пафосном величии. Вокруг алворига Тенеана кружились яркие бабочки, которые нет-нет да и присаживались на значок лучшего выпускника. Значок, который был отлит из чистого золота и инкрустирован изумрудами. Значок, который должен был принадлежать мне! Или Нольвен. Но никак не этому подлецу!

– И не стыдно? – спросила подруга и кивнула на значок. – Хоть бы снял, прежде чем войти.

– Мне нечего стыдиться, – презрительно бросил он. – Лавант, ты, кажется, уже поела. Так что же тебя здесь держит? Десерт ждешь? Так я вижу, ты и до него добралась.

Я ахнула. Такого мерзкого укола я от него не ждала. Ведь Стевен знает, что все деньги семьи уходят на лечение Идрис Лавант! От злости у меня потемнело перед глазами и я почувствовала, что все мое дважды наведенное спокойствие стремительно улетучивается.

– Не смей оскорблять мою подругу, – процедила я и встала из-за стола.

– После свадьбы таких подруг у тебя не будет. Квэнти Лавант, извольте оставить меня и мою будущую жену для частного разговора.

– Нольвен, – позвала я. – Подождешь меня в моей комнате?

Сверкнув недобрый взглядом, она скупно кивнула и, показав Стевену неприличный жест, вылетела из кухни. Казалось бы, моя лисонька просто в ярости, но я-то видела, что она едва сдерживает слезы. Для Нольвен бедность, обрушившаяся на семью, стала страшным ударом. Раньше она была одной из самых завидных невест, а после того, как квэнни Лавант словила страшное проклятие... От их семьи отвернулись очень многие. Почти все. Особенно когда стало ясно, что в армию не вернется ни Идрис, ни ее муж, который решил оставаться рядом с женой столько, сколько ей уготовили боги. И Стевен, зная все это, осмеливается попрекать Нольвен! Попрекать мою лисоньку, которая находится, на минуточку, в моем доме!

– Я говорю с тобой, Маэлин, – недовольно окликнул меня алвориг Тенеан.

Медленно подняв на него взгляд, я чуть приподняла бровь, копируя сердитую бабушку, и спокойно произнесла:

– Я не слушала. Ты сказал что-то важное? Объяснял, отчего предал меня?

Стевен поперхнулся набранным воздухом и обескураженно замолчал. А я, скользнув по нему взглядом, как будто увидела своего жениха впервые. Темные волосы модно острижены, костюм с иголочки, до блеска начищенные туфли. Холеный и лоснящийся выпускник-целиТЕЛЬ, не способный скастовать простейший щит. Как я вообще могла поверить, что этот франт действительно собирается пойти в Военную Академию?! Даже я большой боец, чем он!

Прищурившись, Стевен сделал шаг вперед, но сказать ничего не успел: в кухню вошла моя мама. Светловолосая и светлоглазая, с широкой улыбкой, она тут же прощбетала:

– Не ссорьтесь. И давайте перейдем в гостиную, здесь слишком... Здесь мне не по себе. Ох, Нольвен уже ушла? Мэль, ты бы завернула подружке с собой тортик. Дядюшка ее, помнится, уважает сладкое.

– Нольвен никуда не ушла и ждет меня в моей комнате, – отрезала я. – И, мама, ты же знаешь, что она никогда не берет у нас ничего!

Моя лучшая подруга была болезненно гордой. Даже просто заставить ее поесть у нас было настоящим подвигом. До тех пор, пока я не догадалась спросить: "То есть мне в будущем не стоит рассчитывать на твою помощь и поддержку?" С тех пор она спокойно обедала и ужинала у нас. А ее дядя начал учить меня драться. Ну-у, я старалась, конечно. Прикладывала все возможные усилия, но он до сих пор остается мною недоволен. А ведь уже два года я трижды в неделю тренируюсь под его чутким руководством.

Матушка, церемонно приняв руку Стевена, увлекла его к чайной гостиной. Это, если честно, моя самая нелюбимая комната во всем доме. Все, абсолютно все плохие новости мне сообщали именно там. Мы с Нольвен даже называли чайную гостиную предвестником несчастья.

– Присаживайтесь, – с улыбкой прощбетала мама. – Я заварю чай, а там и алвориг Конлет подойдет. Твой папа, Мэль, не ждал вас так рано, он сейчас в своем кабинете. Заканчивает важные дела.

Последнюю фразу мама особенно выделила. Как будто моя вина в том, что мы вернулись домой раньше!

Заняв одно из шести кресел, расставленных вокруг круглого столика, я чинно сложила руки на коленях и уставилась в стену. Буду делать вид, что никогда не видела, чем именно обиты стены чайной гостиной.

Стевен, впрочем, тоже не спешил заводить разговор. Он сел рядом со мной, закинул ногу на ногу и, отмахиваясь от иллюзорных бабочек, принялся что-то пометать в призванном блокноте. Он был спокоен и уверен в себе, как будто ничего особенного не произошло. И у

меня в голове начала оформляться очень мерзенькая, очень гнусенькая мысль, которую я постаралась отогнать подальше.

Закончив заваривать чай, мама накрыла на стол, и в этот момент в комнату вошел отец. Высокий, широкоплечий и, как всегда, стремительный. Он пожал Стевену руку, кивнул жене и хмуро посмотрел на меня. А я-то в чем виновата?

– Для тебя, Мэль, с мятой и мелиссой. Ты слишком напряжена. – Мама пододвинула мне чашку.

– Ты угрожала проклясть дежурного, если он немедленно не откроет двери, – весомо проронил отец. – Из-за этого едва не было сорвано заветное, создающее иллюзии вокруг каждого выпускника. Заместитель ректора по учебной работе очень тобой недоволен.

– Ты упускаешь из виду, отец, причину, по которой мне пришлось покинуть зал досрочно. Я права.

Хаос вас всех побери, я – права! Но отец хмурится, и мне вновь хочется вжать голову в плечи, извиниться и пообещать больше так не делать. Но... Не сегодня.

Повернувшись к Стевену, я выдохнула:

– Как ты мог? Как ты мог предать меня?

– Это не предательство, милая, – покровительственно произнес мой жених. – Это разумный поступок. Кто-то из нас двоих должен был принять правильное решение.

К моему ужасу, мама согласно кивнула, а Стевен продолжил вещать:

– Ты заиклилась на учебе, Маэлин. Планировала практиковать, работать. Ты даже позволяла себе думать о том, чтобы построить карьеру в столичном доме исцеления. Кто-то должен был тебя остановить. Ты – моя будущая жена, мать моих детей. Ни о каком дополнительном образовании не может идти и речи. Дата нашей свадьбы назначена на середину зимы, а сейчас конец августа. За оставшиеся месяцы тебе нужно спланировать рассадку гостей, продумать меню и выбрать фасон для свадебного платья. Я уже выбрал особняк и нанял людей, которые приведут его в идеальный вид. Уже этой зимой ты займешься домом. И ты собиралась все это совмещать с учебой? Хорошо еще, что наши прекрасные матери сняли с тебя часть обязанностей и подготовили список приглашенных.

Он говорил, говорил – что-то там про приглашения, которые должны быть написаны от руки, а я... А я молчала. Тяжелый взгляд отца не давал мне вымолвить ни слова. Собравшись с силами, я кое-как выдавила:

– Так вы все знали? Вы все знали...

– Маэлин, – весомо уронил отец, – будь любезна держать свои эмоции под контролем.

Под контролем?! Рушится моя жизнь, а мои родители, моя семья, в сговоре с врагом! Ну, не с врагом, но как минимум – с предателем!

Последняя мысль стала для меня как ведро студеной воды на голову. Получается, мама и папа – тоже предатели? Получается, что та мерзкая мыслишка – правильная. Я гнала ее от себя! Не хотела думать, что родители могли так поступить. А они смогли.

– Маэлин, – позвал меня Стевен. – Я... Маэлин?

Я медленно поднялась. Если еще немного здесь просижу, то закачу безобразную истерику и матушкин фарфор будет непоправимо испорчен. Как сейчас непоправимо испорчена я и моя вера в семью.

– Сядь немедленно, – осадил меня отец.

– Что ж, – выдохнула я. – Что ж, бесконечно рада, Стевен, что тебе удалось проскочить на место лучшего выпускника. Вот только окружающие будут знать правду. И тебя это злит, не так ли? Ведь ты даже не второй, а третий.

Натянув на лицо улыбку, мой жених тоже поднялся из-за стола:

– Этот значок, Маэлин, позволит мне содержать тебя и наших детей...

– Этот значок ничего не стоит, если в голове нет знаний, – отрезала я. – Но в любом случае он твой по праву: я-то официально отказалась от всего, кроме диплома. Учись, Стевен, учись и помни, что Высшая Академия Исцеления каждые два месяца экзаменует своих учащихся и недостойные вылетают с позором. А у меня, знаешь ли, планы не изменились. Я пойду в Сагертскую Военную Академию.

Матушка ахнула и подхватила на ноги:

– Никакой Военной Академии!

Отец, не отводя от меня недовольного взгляда, продолжал спокойно пить чай.

– Если ты рискнешь, – прищурился Стевен, – то можешь считать нашу помолвку аннулированной. Мне не нужна изрядно попользованная жена. Высший целитель Терсей доказал, что частые интимные контакты женщины с одаренными мужчинами не влекут за собой накопления магического потенциала. А про Военную Академию давно известно...

Это было последней каплей. Я даже не успела подумать, как хлоп! И у меня горит рука, а на его щеке расцветают крупные гнойные фурункулы.

– Попробуй снять, о лучший выпускник, – усмехнулась я. – Даже если я не пойду в Академию, твоей женой не стану.

– Маэлин, иди в свою комнату. Успокойся – извинишься, – как всегда, весомо и равнодушно уронил отец. – Твою вспышку я спишу на истеричный женский нрав. Но если ты выйдешь из этого дома... Я запрещаю тебе возвращаться.

– Я поняла, – кивнула я. – Можете начинать делать нового ребенка.

Выходя из чайной гостиной, я не отказала себе в мелочном удовольствии и как следует хлопнула дверью. Воспитанные квэнты себя так не ведут? О да, поэтому моим бесценным родителям будет вдвое противней от моего поступка!

Конечно, потом мне станет стыдно, ведь половина от бушующих во мне эмоций – откат от заклатья исцеления. Чувства нельзя убрать насовсем, их можно отложить. Что и делает это заклатье. Оно предназначено для целителей, которым предстоит архиважная операция или ритуал. Вообще-то, мы с Нольвен не должны его знать. Но когда ее матушка была проклята... Я должна была помочь лучшей подруге. И ничего другого придумать не смогла.

– Мэль? На тебе лица нет. – Нольвен, сидевшая на моей постели с книжкой, подхватила на ноги и, хмыкнув, добавила: – Крови поверженного врага я тоже не вижу.

– Стевен обзавелся фурункулами, а отец сказал, что если я выйду из дома, то обратно уже не войду. Они все знали, лисонька. Они все знали, и дата свадьбы уже назначена. И особняк Стевен выбрал. И даже список гостей составлен. И только я, как последняя дура...

Договорить у меня не вышло: из глаз брызнули слезы, и я поспешила спрятать лицо в ладонях. Матушка всегда говорила, что я чрезмерно уродливо плачу.

Нольвен тут же обняла меня, крепко-крепко стиснула и, не особо мудрствуя, наложила еще одно заклатье истинного спокойствия.

– Откаты мы будем терпеть завтра. А сейчас нужно собирать вещи.

– Куда? – с горечью спросила я. – Хлопнуть дверью легко, так же легко проклясть жениха. Но факт есть факт: я всего лишь целитель младшей ступени, и идти мне некуда. На работу меня, может, и примут, но...

– Идти тебе есть куда, – осадила меня Нольвен. – Да, у нас нечего есть и не на что покупать одежду. Но дом остался. Будешь жить у нас, поступишь в военку – с твоим дипломом тебе платить не придется. И потом, ты забываешь про свою бабушку!

Заклатье истинного спокойствия окончательно уредило мои мечущиеся мысли, и я коротко выдохнула:

– Помоги мне собрать вещи.

– Хочешь уйти? – В дверях моей комнаты появилась сердитая донельзя матушка. – Иди належке!

– Одно радует, – в тон ей отозвалась я, – платье, которое на мне, куплено за мои честно заработанные деньги. Как и тетради.

Под немигающим взглядом квэнни Конлет я собрала все свои записи и превратила их в массивный браслет, который надела на руку. Моя трансформа продержится пару часов, а там видно будет.

– Ах да, – я всплеснула руками, – чуть не забыла. Вот.

Я сняла сережки, которые родители подарили мне на совершеннолетие, и положила их на свой туалетный столик.

– Кажется, больше ничего лишнего я не выношу.

– Мэль, ты не права. Когда захочешь вернуться... Думаю, я смогу убедить твоего отца...

И мне вдруг стало ее жаль. Это острое чувство охватило меня полностью, и я, качнувшись с носка на пятку, порывисто обняла ее:

– Я не хочу жить твоей жизнью. Прощай.

Глава 2

Пройти сквозь весь дом, затем по дорожке до ворот и дальше, на улицу. Все это время я крепко держалась за надежную руку моей лисоньки. И ведь эмоций почти нет, все наглухо заморожено, но тяжело. Каждый шаг, как в плохом сне, дается с огромным трудом. Как будто пробираюсь сквозь вязкую прозрачную массу.

«Смогу ли я?» – бьется в голове паническая мысль.

– Смогу, – коротко выдохнула я и отпустила руку Нольвен. – Смогу.

– Конечно, сможешь, – охотно согласилась подруга. – Ты, главное, сама с собой поменьше разговаривай, а то в столичном доме исцеления ты будешь жить, а не работать.

Рассмеявшись, я покачала головой: некоторые вещи стабильны. Утешения от Нольвен всегда отличались от общепринятых. Наверное, поэтому мы и подружились.

– Ну что, ко мне? Или сначала к старшей квэнни Конлет? – наигранно беззаботно спросила лисонька.

– К бабушке, – неуверенно произнесла я. – Наверное.

– Ну, это правильно, – покивала Нольвен. – У вас теперь много общего. Но я, кстати, все равно не могу понять, как при живом дедушке твоя бабушка оказалась отлучена от рода. Ты так и не рассказала толком.

В последней фразе я расслышала некоторую толику осуждения пополам с обидой. Но...

– Знаешь, сегодня, если повезет, ты узнаешь эту историю из первоисточника, – хмыкнула я. – Потому что мне и самой мало что известно. Приходилось подслушивать, подглядывать и учиться незаметно вскрывать чужие письма. На чем меня поймали. И уже через неделю порадовали: помолвке быть. Иногда я думаю, что это какие-то взаимосвязанные вещи.

Переговариваясь, мы стремительно неслись по оживленным улицам Кальстора. Люди улыбались, замечая иллюзорных бабочек, а один лоточник даже подарил нам по прянику:

– Ура целителям, – рассмеялся он.

Да, иллюзорные бабочки на выпускниках были исключительно нашей традицией. И, что уж скромничать, каждый выпускник мечтал о том дне, когда пройдет по Кальстору, окруженный искристыми иллюзиями.

– Знаешь, а все не так и плохо, – сквозь пряник выдала Нольвен. – Я устроюсь на работу в дом исцеления. А там видно будет. Может, скоплю на платное образование.

– В военку не хочешь? Она дешевле.

– В военку надо сейчас поступать, – вздохнула Нольвен. – Для учащихся, пропустивших несколько лет, там слишком серьезные экзамены. У них ректор с особо садистскими наклонностями. Был же выпуск в газете, где он пояснил, что: «Если кто-то считает, что может пропустить несколько лет и потом прийти как ни в чем не бывало, он должен доказать, что он – лучше всех».

– Ничего себе. – У меня аж мороз по коже пробежал. – Я это как-то упустила.

А ведь изначально Стевен предлагал и такой вариант – взять год на обустройство дома. Пожениться, обжиться, а потом продолжить учебу. Но я сразу отказалась. Ну что за глупости – терять год?

– Ты хмуришься. – Нольвен ткнула меня локтем.

– Стевен предлагал год отдохнуть от учебы, – криво улыбнулась я.

– Ну, Мэль, согласишься, – подруга доела пряник и заклятьем очистила пальцы, – мы уже поняли, что он к-к-королевский парнокопытный. Отец-Хаос, я же с ума сойду!

Поперхнувшись смешком, я согласно кивнула:

– Да, мы уже поняли, что он парнокопытный. Вот только мне стало запоздало страшно.

– А вот и домик твоей бабушки, – радостно произнесла лисонька. – Интересно, сегодня будут блинчики?

Старшая квэнни Конлет жила недалеко от нас. Уютный особнячок, окруженный немного запущенным садом: растениями квэнни занималась сама и только по настроению. Впрочем, особой прислуги у бабушки не было. Две молодые женщины приходили раз в неделю убратся, и Танира прибегала – сготовить. Но последнее – в строжайшей тайне.

«Знаю я твою бабушку, если не сготовлю, то она будет жить на одном кофе и сухофруктах», – ворчала Танира и, собрав сумку, сбегала через черный выход.

Толкнув скрипнувшую калитку, я ступила на мощеную дорожку, ведущую к широкому крыльцу-террасе.

– А я все жду и жду, – хмыкнула квэнни Конлет, сидящая на перилах. – Чего без сумки-то?

Не дожидаясь моего ответа, бабушка спрыгнула с перил и поманила нас за собой:

– Стол накрыт, девоньки.

– Вот сколько раз вижу твою бабушку, столько же раз и... – Нольвен запнулась и после паузы продолжила: – Восхищаюсь. Фигура как у юной девушки, характер как у порождения Хаоса и голос – то мелодичный, как у феи, а то зычный, как у моего дяди.

Я только руками развела: бабушка была очень особенной. И каким ветром ее занесло в жены к дедушке, даже представить сложно. Может, по большой любви?

В любом случае последние шесть лет бабушка предпочитала свободу, узкие черные брюки, вишневый табак и общество своего «близкого друга» алворига Нортренора.

Переглянувшись, мы с Нольвен последовали за бабушкой.

– Мне кажется или квэнни Конлет гордая обладательница самой модной в этом сезоне стрижки? – шепотом спросила моя лисонька. – Длинная челка и чуть более короткие пряди на затылке?

– Только это, кажется, мужская стрижка, – неуверенно произнесла я.

– Уверяю вас, девоньки, это самая что ни на есть всеобщая стрижка, – зафыркала идущая впереди бабуля. – Это среди целителей рассадник домашних цветов, остальные на мир иначе смотрят. Проходите. Гостиная, она же столовая, она же чайная комната, у меня всего одна.

«Она же нервничает», – поняла я вдруг. Ведь ни для меня, ни для Нольвен планировка бабушкиного особняка тайной не была.

Тем не менее мы спокойно вошли в гостиную, насквозь пропитанную ароматом вишневого табака, после чего заняли привычные места – влезли вдвоем в одно огромное кресло. Бабушка устроилась напротив нас, поперек такого же массивного кресла. После чего щелчком пальцев материализовала изящную черно-серебряную трубку и принялась набивать ее табаком.

– Ба? – позвала я.

– Я в ярости, – нарочито спокойным тоном произнесла квэнни Конлет. – И вообще, давно хотела попросить: зови меня по имени. Меровиг сокращается до Меры. Тебя, лисонька, это тоже касается.

– Х-хорошо, – чуть запнувшись, кивнула я. – А почему ты в ярости?

– А считаешь, у меня нет причин? – ядовито хмыкнула ба... Мера и ловко раскурила трубку. – Притворившись престарелой студенткой, я проникаю в святая святых фабрики целителей и любуюсь на триумф твоего убогого жениха.

Пыхнув трубкой, Мера сверкнула небесно-синими глазами и раздраженно выдохнула:

– Объясняйте. Раз уж ты здесь, да еще и твои записи весьма криво превращены в браслет, я права и ты покинула отчий дом.

– Мне некуда пойти, – кивнула я.

– Не беси бабушку, – проникновенно произнесла Мера. – В этом доме есть спальня и для тебя, и для твоей лисоньки. И я, кажется, уже попросила: объясните старушке, что это был за, мгом, выверт с Тенеаном – лучшим выпускником?

Понурившись, я, сгорая от стыда, принялась объяснять:

– Он был третьим в списке выпускников. А значит, не попадал на бесплатное обучение и...

– Прости, милая, – Мера выдохнула особенно крупный клуб дыма, – а с каких пор Тенеанам понадобилось пристраивать сынка на бесплатное обучение, а?

Сидящая рядом со мной Нольвен со свистом втянула в себя воздух, но промолчала – не хотела позориться перед Мерой.

– Кажется, я идиотка, – тихо вздохнула я. – В общем, Стевен предложил отказаться от мест в Высшей Академии Целительства и идти в военку.

И вновь бабушка не дала мне договорить – она захохотала так, что раскашлялась и дематериализовала свою вычурную трубку.

– Этот-то? В военку? В мое время таких, как он... – тут она резко осеклась, кашлянула и махнула рукой: – Давай дальше.

– Я сходила к ректору и написала заявление, что прошу не учитывать мои учебные достижения при выборе лучшего ученика. Стевен тоже ходил. Он ведь получался вторым, если нет меня.

– Но на сцену его вызвали первым, – нахмурилась Мера.

А я только рукой махнула:

– Это правило такое. Если есть лучший ученик и лучшая ученица, то первым на сцену вызывают парня.

– Почему? – с интересом спросила Мера.

Я открыла рот... И закрыла. И правда, почему?

– Потому что это традиция? – неуверенно произнесла Нольвен и прикусила губу. – Я помню что-то о том, что раньше соревновались только юноши. Нет? Да! Точно-точно, раньше экзаменовали только парней, а девушки просто приходили и уходили, их никто не записывал и...

Под скептическим взглядом Меры моя лисонька стушевалась и замолкла.

– Понятней мне не стало, – подытожила бабушка. – У нас в военке как-то проще и честнее, что ли. В магическом искусстве соревнуются все со всеми, не глядя на пол и возраст. Бывало и такое, что старшекурсника в дуэли укладывал первачок. Особенно если он из какого-нибудь особенного рода, вроде Ривеленов. Вот уж кто рождается с огненным шаром в руке. И как только не обжигает?

Взмахом руки очистив воздух от аромата вишни, Меровиг кивнула на стол:

– Снимите мою иллюзию и можете поесть.

Да, точно. Бабушка и ее принципиальность. Хочешь есть – изучай магию. Хочешь пить – изучай магию. Ничего не хочешь? Изучай магию, всегда пригодится! Помню, как мне влетело за одно простенькое, но очень удобное и полезное заклинание. Кто мог знать, что его используют мелкие карманники? Правда, невзирая на долгую и прочувствованную беседу с отцом, я все равно продолжила использовать туманный взор. Потому что бесшумный полог слишком энергоемкий и тяжелый для меня. Да и нет у меня таких тайн, чтобы ради одного разговора такое мощное заклятье кастовать! Туманный взор самое оно. Особенно в сочетании с мышинным шагом. Никто не видит и не слышит, о чем там шепчутся две подружки.

– А может, мы так, с закрытыми глазами? – хитро улыбнулась Нольвен.

– Можете, девоньки, можете, – ласково улыбнулась бабушка. И честно добавила: – Но за последствия не ручаюсь.

Я только фыркнула и, отмахнувшись от иллюзорной бабочки, всмотрелась в «пустой» стол. Иллюзия? Хм, но запаха тоже нет и предметы не отбрасывают тень. Можно подумать про зеркало Раосса, одно из самых надежных заклинаний школы Иллюзий, но... Бабушка каждый раз доказывает, что есть менее известные и более простые заклятья, которыми можно добиться ровно того же эффекта.

– Полагаю, ключ Раосса не сработает? – уныло спросила Нольвен.

– Я вам что – магистр-иллюзор? – фыркнула Мера и, удобнее устроившись в кресле, сложила руки на животе. – Я жду представления.

Мучились мы минут пятнадцать. И все это под ехидные смешки квэнни Конлет. Не помогли ни диагностические чары, ни поисковое заклятье. Даже манящее проклятье, брошенное Нольвен, и то не помогло.

– Ну что, сдаетесь? – азартно спросила Мера.

– Сдаемся, – вздохнула Нольвен.

– И есть хочется, – добавила я.

Меровиг щелкнула пальцами, и над столом появилась какая-то кружевная кисея. Фата?

– Облако невесты, – торжественно объявила бабушка.

Я уважительно посмотрела на Меру. Значит, она выходила за дедушку по старинному обычаю, шагая сквозь костер. Что же могло пойти не так? Отчего она теперь живет отдельно?

– На самом деле подойдет любая ткань, у меня просто не было столь же тонкого шелка, – принялась объяснять бабушка. – Берем тонкую ткань и используем сочетание копирующих чар с туманным взором. Копирующие чары используем на чистой поверхности! Поняли?

– Не совсем, – нахмурилась я. – Вначале ты скопировала внешний вид столешницы, затем заклятье перенесло этот образ на ткань, потом сервировала стол, потом накинула на него облако невесты и уже по нему прошла туманным взором. Так?

– Именно, – кивнула Мера. – Эти два заклинания поглощают друг друга и дают вот такой вот забавный эффект. Но! Длительность этого эффекта всего сорок минут. Зато и сотворить это все можно за считанные секунды. Все, хватит болтать, пора есть.

По вкусу и виду предложенных блюд я сразу поняла, что Танира успела еще утром забежать к бабушке. И что наша кухарка совсем не рассчитывала на гостей – еды было не так уж и много. А готовить бабушка не то чтобы совсем не любила... Скорее, недолюбливала.

«Мне много не надо, а голодному я дам продукты. Сам сготовит и меня, в благодарность, накормит».

Так мы с Нольвен научились варить несколько простых супов и делать рагу с мясом.

– Если у вас есть Облако Невесты, – Нольвен отложила вилку и прямо посмотрела на бабушку, – значит, вы вышли замуж по старым традициям. Вас благословил сам Отец-Хаос.

– Доедайте, – велела Меровиг. – И расскажу. История на самом деле пребанальнейшая. Вы-то себе небось навывдумывали всего и всякого, а там... Подлость, предательство и неожиданность – вот три слова, наиболее полно описывающих нашу с Кенриком супружескую жизнь. Первые два слова принадлежат ему, а третье – мне.

Мы с Нольвен быстро подчистили тарелки, собрали все со стола и левитировали посуду в кухню. Там же был заварен кофе, из холодильного шкафа вылетели крошечные шоколадные пирожные, и со всем этим добром мы вернулись к бабушке. Которая вновь набила свою трубку.

Подманив к себе кружку, Мера ловко ухватила ее за фарфоровое ушко и сделала небольшой глоток.

– Всякая любовная история требует пафосного предисловия, – глубокомысленно произнесла бабушка. – Тут я не подготовилась, да. Что ж, свадьба моя была давно, и замуж я вышла по большой-пребольшой любви. Жаль только, что любила только я. Кенрик милостиво принимал мои чувства, и матушка моя, которая все это видела, изошла на крик и проклятья, но переломить мое решение не смогла. Куда ей, зельевару-теоретику, против упрямства лучшей

выпускницы военки. Отец, посмотрев на все это безобразие, купил мне особняк. Собственно, мы сейчас в нем и находимся. И сразу после свадьбы отец увез мою перенервничавшую мать на воды. Через пару лет все как-то уложилось. Я забыла про все свои карьерные устремления, ведь через девять месяцев после свадьбы у меня родился твой отец. Родились бы еще дети, да только я решила подождать. И тайно сходила к подруге-целительнице. Тогда я еще была способна принимать решения самостоятельно.

Мы с Нольвен потрясенно переглянулись. Бабушка явно намекала на то, что ее подруга ради нее пошла на преступление! Ведь накладывать временную печать бездетности разрешили только год назад.

– Любовь быстро прошла, – Мера криво улыбнулась, – тяжело любить в одну сторону. Но я, из упрямства и гордыни, продолжала переламывать свой характер. Так, как унижалась я, не унижался перед мужем никто.

Тут бабушка подумала и справедливо добавила:

– А может, и все, да только вряд ли остальные воспринимали это как унижение. В любом случае решения в нашей семье принимал только Кенрик. И твой отец, Мэль, вырос его полной копией. Я устала тогда, девоньки. Очень устала и погасла. Стала практически идеальной женой – скучной, вялой и покорной. Отец-Хаос, мне требовалось разрешение мужа даже ради того, чтобы выйти в театр с подругой. И однажды моя упрямая, не растерявшая огня подруга вытащила меня в город без позволения мужа. Мы славно провели день и уже возвращались домой, когда я увидела Кенрика. Он ужинал с какой-то юной красоткой-выпускницей, вокруг которой вились эти ваши иллюзорные бабочки. Если бы не моя Лили, то я бы просто вернулась домой. Но Лили уперлась рогом и решила проследить за ними.

Бабушка глубоко затынулась и выпустила клуб дыма, который по ее воле принял форму сердца и завис над столом.

– Он изменял мне. – Сердце надулось и едва слышно лопнуло. – Тут-то меня взяла такая ярость! Да, боевые навыки мною были утеряны, ну так и противник был так себе. В той гостинице я разнесла все. Абсолютно все. И провела ночь в казематах городской стражи. Та ночь напомнила мне, кто я есть. Меровиг Конлет урожденная Аделмер. Боевой маг, а не изнеженный домашний цветочек. Из казематов меня выпустили благодаря отцу. Но с одним условием: на мои руки на пять долгих лет надели ограничители магии. Отсюда и моя любовь к слабым заклятиям. А через неделю Кенрик, думая, что я стала безопасна, привел в дом ту самую девицу. И уведомил меня, что теперь мы живем вместе. Он, я и его возлюбленная.

– Она выжила? – с ужасом спросила Нольвен.

– А она-то что? – Бабушка пожала плечами. – Девица отделалась переломом челюсти, как, впрочем, и Кенрик. И вновь я ночевала в казематах городской стражи. После чего я съехала сюда, в этот дом. Вот они и есть – подлость, предательство и неожиданность. Кенрик не ожидал, что после стольких лет покорности и безмолвия во мне еще теплится хоть какая-то сила воли. Что интересно, года через два он прибыл с цветами и в приказном тоне велел мне собирать свои вещи и возвращаться.

Мера хрипло рассмеялась и продолжила:

– А я стояла перед ним и остро жалела свою мамушку, которая в голос рыдала и умоляла меня одуматься. Отец-Хаос, моя скромная, тихая мамушка пыталась проклясть меня, лишь бы расстроить нашу свадьбу.

– Но развод он тебе так и не дал, – констатировала я.

– Так и не дал. Раз в год Кенрик присылает мне письмо и корзину цветов. Он отчего-то убежден, что рано или поздно я к нему вернусь. Наивный. И если бы вы знали, девоньки, какую сцену ревности он мне закатил, когда алвориг Нортренор вывел меня в театр. – Тут бабушка мечтательно прикрыла глаза. – Только тогда я почувствовала себя хоть немного отомщенной.

Открыв глаза, бабушка серьезно посмотрела на меня.

– Я думала о том, чтобы вернуться к Кенрику. Ради того, чтобы не дать им сломать тебя. Но... Я не смогла. И решила действовать иначе. Какого ребенка не заинтересует таинственная бабушка, которая печет блины, учит пакостным заклятьям и к которой нужно пробираться тайком от взрослых? Пример моей матушки показал: нельзя переломить чужое упрямство своим. Зато пример моего отца открыл иное: ребенку можно и нужно подстелить соломку.

– Твоя "соломка" спасла меня, – тихо сказала я. – Только почему ты не хочешь, чтобы я называла тебя бабушкой? Ты слишком молода для этого?

Мера криво улыбнулась:

– Я не чувствую, что имею на это право. Мне кажется... Да нет, я уверена: можно было сделать больше.

– И начини вы делать больше, – хмыкнула Нольвен, – как Мэль обзавелась бы маячком. И больше никогда не переступила порог вашего дома.

Бабушка пыхнула трубкой и пожала плечами:

– Может, я смогла бы достучаться до квэнни Конлет. Она, конечно, не выпускница военки, но стихийницей была неплохой. Как сейчас модно говорить – подающая надежды выпускница.

– Вообще-то, это мама велела мне не брать вещей, – с горечью произнесла я. – Так что достучаться ты бы ни до чего не смогла.

Нольвен поспешно кинула на меня заклятье истинного спокойствия и шепнула, что ей пока не требуется.

– Абдец, – развела руками Мера. – Что вы собираетесь делать, девочки?

– Я, наверное, пойду в военку, – умиротворенно отозвалась я.

– А я найду работу.

– Нет, об этом мы будем думать завтра вечером, – фыркнула Мера. – Я говорю о сегодняшнем вечере. У вас, кажется, праздник в ресторации. Идете? Или струсите?

Когда бабушка ставила вопрос так, ответ мог быть только один, и мы с лисонькой выдохнули одновременно:

– Идем.

– Правильное решение, бабушка одобряет, – покивала Мера. – У меня скопилось некоторое количество лишних драгоценностей. Да и платья у вас так себе, надо сменить.

– Что заработали, то и потратили, – возмутилась я.

– И это бабушка тоже одобряет, – согласилась квэнни Конлет. – Но! Вы не просто идете в ресторацию праздновать выпуск. Вы идете в ресторацию праздновать выпуск после смачного скандала.

– Это был семейный скандал, – возразила я. – Кто о нем узнает?

– О, девонька моя, поверь, – хрипло рассмеялась Мера, – именно такие скандалы становятся общеизвестны за считанные часы. Твой отец сейчас бесится в своем кабинете, ведь в его удобном мире случилась возмутительная поломка. Твоя мать рыдает в гостиной своей соседки, к которой наверняка уже пришли любопытные гости. Твой бывший жених уже вернулся домой и поделился новостями с отцом и матерью. Которые, в свою очередь, поделятся этим с кем-то еще. Ты понимаешь, к чему я веду?

– Понимаю, – кивнула я.

– И, Мэль, если уж портить настроение, то сразу и полностью. – Мера серьезно посмотрела на меня. – Ты ведь понимаешь, что если ваши со Стевеном родители не расторгнут договор, то ты останешься невестой?

– Как?! – выдохнула я.

– Ты подпись ставила? – прищурилась бабушка.

– Ставила.

– Ну вот и все. – Мера развела руками. – Не бойся, никто не помешает тебе сказать "нет" у алтаря. Бабушка проследит за этим.

– Стевен сказал, если я поступлю в военку – могу считать себя свободной, – уверенно произнесла я.

– Он от тебя не откажется. – Бабушка покачала головой. – Сильные одаренные дети рождаются от сильных одаренных родителей. Стевен твой не дотягивал до лучшего выпускника, но был ли он совсем бездарью?

Скрепя сердце мне пришлось признать, что совсем балбесом он не был. Я бы скорее сказала, что ему не подходит целительство.

– Во-от, – удовлетворенно произнесла Мера. – Бывает, что гении от магии рождаются в семье простых людей. Или у двух слабых магов. Но это редкая удача. Зато брак двух сильных магов гарантированно дает не менее сильное потомство. Особенно если девушка не просто сидела дома, а активно занималась магией и развивала свой колдовской очаг. Это, кстати, уже не просто подмеченная обывателями закономерность, а доказанный целителями факт. Ладно, поговорили и хватит.

Мера ловко выскользнула из кресла и поманила нас за собой.

– Вы – будущие студентки военки...

– У меня нет... – Нольвен осмелилась перебить квэнни Конлет и тут же за это поплатилась.

– Не перебивай бабушку, – строго произнесла Мера и усмехнулась, глядя, как Нольвен в ужасе шупает гладкую кожу, оставшуюся на месте губ. – Я – урожденная Аделмер. А кто у нас ректор военки?

– Риордан Аделмер, – тут же ответила я. – Ой.

– Вот вам и "ой", – усмехнулась Мера. – Поблажек в учебе не будет, но взять – возьмет. Ты, лисонька, на работу не торопись. Если сейчас перестанешь развивать свой очаг, то так и останешься недомагом. Очаг можно раскачивать, только изучая новые заклятья. А на работе тебя ждет рутина. Идрис Лавант, к сожалению, уже ничем не помочь. А значит, нужды в деньгах вот-прямо-сейчас у тебя нет.

В глазах Нольвен сверкнули слезы, но в некоторых вопросах бабушка была безжалостна.

– Да, – припечатала Мера. – Мои слова жестоки, но правдивы. Никакое золота мира не исцелит твою мать. Ты хочешь снять с семьи бремя по своему содержанию? Так пожалуйста, военка от и до обеспечивает своих студентов. Казенная одежда, кормежка три раза в день. И даже канцелярия казенная. Качество, правда, кхм, тоже казенное. Но что поделать, зато у всех все одинаковое.

Нольвен коротко кивнула и жестом попросила прощения. Да-да, жестом. Увы, нам давно пришлось придумать подобные условные знаки: бабушка была скоро на мелкие проклятья.

– Я все поняла, Мера, – тихо сказала моя лисонька и потрогала губы. – Спасибо.

– Не нужно благодарности. Просто покажите там все, на что вы способны.

– Там – это в военке? – уточнила я.

– Да, но и в ресторации тоже, – бабушка усмехнулась. – Если что, я точно знаю, кому надо заплатить, чтобы выкупить человека из казематов городской стражи.

Сказав это, Мера поманила нас за собой, в святая святых дома – комнату, где хранятся все ее наряды!

Там нас ждал сюрприз. Да еще какой! Нольвен задушенно ахнула, а я не удержала ошеломленно-возмущенного вскрика:

– Мера!

– Что? – удивленно воззрилась на меня бабушка. – Сшито по вашим меркам.

Моя лисонька, взяв себя в руки, попыталась объяснить:

– Это так...

– Красиво? – с интересом спросила Мера.

– Нет, это...

– Элегантно? – чуть суше осведомилась квэнни Конлет.

– Нет, – помотала головой Нольвен. – Это – скандально!

– То есть идеально, – кивнула сама себе бабушка и с гордостью добавила: – Я старалась. Если честно, то я надеялась, что эти наряды вам не пригодятся, но... Всегда стоит иметь запасной вариант!

А с другой стороны, после всех сказанных слов странно было бы ожидать другого фасона. И я, оставив Нольвен позади, подошла ближе к двум манекенам, стоящим впереди всех вешалок.

Свой костюм я опознала сразу – синее с золотом. Узкие брюки насыщенно-небесного цвета, золотая рубашка с пышным бантом у горла и узкий удлиненный жакет, облегающий фигуру. Радовало одно: хоть у жакета и был неровный нижний край, он доходил до середины бедра. А значит, хоть какие-то приличия сохранились.

У Нольвен был точно такой же костюм, только цвета – насыщенная зелень и серебро.

– А вообще, – сказала Нольвен, когда мы переоделись, – это великолепно!

– И ткань надежно зачарована, – покивала довольная Мера. – Не мнется, не пачкается, не рвется! Ну, порвать-то ее можно, и запачкать тоже, но это надо сильно постараться. Давайте-ка, девоньки, начаруйте себе по табуретке, и мои гребни заплетут вам косы. Сама-то я ни разу не плетунья.

Тут я с содроганием припомнила единственную её попытку сотворить на моей голове подобие косы. Сколько волос тогда пало в неравной битве! Страшно вспомнить. И сколько еще бойцов погибло, когда матушка разбирала на локоны то, что наплела Мера... Зато мне не пришлось врать – мама сразу вздохнула: "Сама плела?"

Вспомнив это, я немного загрустила. Мама ведь любила меня, наверное. Хоть немножко?

– Не вешай нос, все образуется. – Бабушка подпихнула меня в бок, и я плюхнулась на трансформированный лисонькой табурет.

В тот же момент из шкатулки выпорхнули сразу два гребня и ворох лент. За пару минут мы с Нольвен обзавелись идеальными прическами. Больше всего Мера уважала "походную женскую косу" – множество тугих косиц, сливающихся в одну. Как говорила бабушка, когда-то давно такая коса плелась дома и расплеталась только по возвращении из похода. А от грязи и насекомых спасала магия. Сейчас, с развитием платов и порталов, необходимость в таких прическах отпала. Но многие студентки военки предпочитают именно косы. Их, в конце концов, удобно прятать под капюшон, чтобы во время дуэли не мешались.

– Пятьдесят на пятьдесят, – сказала бабушка, как будто в ответ на мои мысли. – Половина военки ходит с короткой стрижкой, половина – с такой косой. Если хотите, запишу вас к своему парикмахеру. Острижем все.

Мы с Нольвен испуганно переглянулись и тут же принялись уверять бабушку, что коса – это лучшая прическа на свете.

– Хотя потом и будет болеть голова, – добавила я, – очень уж тугое плетение.

– Надеюсь, – хмыкнула бабушка, – что головы у вас будут болеть от молодого вина, а не от прически.

Время до назначенного часа пролетело незаметно. Ближе к вечеру бабочки налились цветом и принялись едва заметно светиться. А бабушка, вытащив свою аптечку, начала пичкать нас зельями. Как она пояснила, молодое вино – это прекрасно, но приличные девочки пьют не пьянея, а потому надо помочь организму справиться с предстоящими трудностями.

– Хотя, если вас принесут, – задумчиво добавила Мера, – я ругаться не буду. Но обязательно поглумлюсь наутро.

– Возникает желание пить морс, – шепнула Нольвен. – Чувство юмора у Меры – исключительное.

– Я вся – исключительная, – безапелляционно заявила бабушка и хлопнула в ладоши. – Ну красавицы же! Только не забудьте сменить домашние туфли на подходящую обувь.

Подходящей обувью оказались дуэльные ботинки – плотная подошва и высокое шнурованное голенище.

– Они, – Нольвен неуверенно кашлянула, – они немного по цвету не подходят.

– Я не экономлю, – фыркнула Мера, – надевайте. Магия цвет сама подгонит. Так, косметика вам, юным и красивым, не нужна. Но! Чудесное заклятье сделает ваши брови и ресницы темнее. Остальное излишки. Ох, чуть не забыла.

И к бабушке подлетела увесистая шкатулка.

– Серьги, – возвестила Мера. – Тебе, Нольвен, изумруды в лунном серебре, а для тебя, Мэль, черные бриллианты в золоте. И довольно: переизбыток украшений никого не красит.

– Это слишком, – выдохнули мы с Нольвен в унисон. – Нам тогда еще пара боевых магов потребуется – защищать твои серьги.

– Боевых магов сами подцепите, – подмигнула Мера. – А серьги эти я ни разу не надевала. Это все Кенрик дары засылает, в бесплодных надеждах вернуть меня в семейное лоно.

Взяв серьги из рук бабушки, я тяжело вздохнула. Они были великолепны: от ажурной окантовки камня вниз спускался крохотный листочек, украшенный... Украшенный какими-то крохотными камушками. Чтобы сберечь свои нервы, я не стала спрашивать, какие еще камни использовались для создания этой красоты.

"Буду думать, что это хрусталь. Или стекло", – мрачно подумала и примерила серьги. Они не должны были подойти к сине-золотому наряду, но... Секундная вспышка магии, и дуэльные ботинки меняют цвет – синий, золотой и черный.

– Ажуре-еть, – выдохнула Нольвен, когда вдела выданные ей серьги.

– Именно, – Мера воздела палец, – если порадуете бабушку и хорошо окончите – будут вашими. Вместе с остальным барахлом.

– Барахлом? – переспросила я.

– К твоим, лисонька, сережкам еще есть браслет и кулон. А к твоим, Мэль, два кольца и кулон. Так что бейте лапками, девоньки.

Мы переглянулись и решили, что "лапки" жалеть не стоит. Не столько ради украшений, сколько для себя, но... Такая красота пойдет бонусом.

Перед выходом из дома мы с лисонькой посмотрелись в огромное зеркало, созданное Мерой. Там отражались две выпускницы военки, вокруг которых по какой-то неизвестной причине летали иллюзорные бабочки целителей.

– Обновим заклятье, – синхронно выдохнули мы.

– И вперед, – азартно кивнула Мера. – Жду. Защита дома уже настроена на вас. Если до утра не явитесь, приду за вами в казематы.

– Явимся, – уверенно произнесла я. – В казематах нам делать нечего. Там темно, сыро и холодно.

Бабушка с интересом на меня посмотрела:

– Это верно. Вопрос в том, когда ты успела это узнать.

– Запомнила по твоим рассказам.

– Ну, знаешь, лучше всего познавать жизнь на личном опыте, – подмигнула мне Мера и задумчиво добавила: – Хотя, возможно, это не тот случай.

Попрощавшись с бабушкой и получив на дорожку несколько незаконных советов из разряда "Как быстро и весело поджечь кабак", мы вышли на улицу.

– На нас смотрят, – тяжело вздохнула Нольвен и расправила плечи. – Пусть смотрят.

И на нас действительно тарачились. Это смущало. Страшно представить, что бы мы чувствовали, если бы не заклятье!

"И страшно представить откат". Я поежилась.

– Давай через парк? – предложила Нольвен. – И путь сократим, и на цветы посмотрим. Говорят, что парку подарили какое-то редкое растение – ложный лилейник. Оно выглядит как лилейник, но не лилейник.

– Если оно редкое, то капризное, – логично предположила я. – А значит, не переживет нашу зиму. И вот не жалко им? Уже конец лета, впереди осень и трескучие морозы.

– Может, стихийники чего-нибудь придумают? – пожала плечами лисонька.

– Стихийники, – проворчала я. – Делают не пойми что, исчезают не пойми куда, но все на них надеются.

До парка было рукой подать. Пройдя под кованой аркой, увитой плетистой розой, мы прошли по аллеям и, внимательно читая указатели, нашли ложный лилейник.

– Может, это чья-то шутка? – спросила я. – Оно выглядит как лилейник. Ни единого различия.

– Но написано: "Близко не подходить". – Нольвен кивнула на табличку. – Может, оно чем-нибудь стреляет?

– Пыльцой только если. – Я провела ладонью по жакету и хитро улыбнулась.

– Ты куда?! – ахнула лисонька.

А я, обернувшись к ней, напомнила:

– Наши наряды надежно зачарованы. Не пачкаются, не мнутся и не... Ай!

Из-под узких длинных листочков лилейника выстрелил тонкий зеленый жгут, и растение в мгновение ока подтянулось к моей ноге!

– Сказано же – близко не подходить, – едва дыша от смеха, выдавила Нольвен. – Зови на помощь!

Я подергала ногой, но лилейник держался крепко, а хохочущая подруга меня спасать не спешила. Отец-Хаос, ну до чего же идиотская ситуация!

– Хэй, росточек. – Я присела на корточки перед обхватившим мою ногу цветком. – Давай ты меня отпустишь? А я тебе завтра принесу удобрений. Самых лучших!

Цветок как будто прислушался ко мне и странно заизвивался. Вот только вместо того, чтобы внять моим словам и отползти, он, наоборот, все крепче опутывал мою ногу тоненькими жгутиками. А я боялась даже пошевелиться, потому что видела, что часть этих жгутиков у него оборвана. Пусть он поставил меня в неловкое положение, но он же живой.

– Ну росточек, ну хороший мой. – Я погладила его по узким листочкам. – Отпусти. У меня дела сегодня, я не могу тут с тобой оставаться. Хочешь, я тебе сейчас палку сломаю огромную, обовьешься вокруг нее. И она никуда-никуда не уйдет.

Цветок задрожал и принял к моей ноге вплотную.

– Не знал, что этот выпуск военки настолько плох, – насмешливо произнес кто-то, вставший у меня за спиной. – Ты противника так же уговаривать будешь? Или сразу сдашься на милость врага?

– Сдайся нам, – тут же хохотнули два одинаковых мужских голоса.

Резко выпрямившись, я развернулась к насмешнику. Вокруг меня взметнулись иллюзорные бабочки, и я тут же услышала:

– А, целительница. Мое почтение, квэнти.

Насмешник круто развернулся и пошел вперед. А следом за ним два его спутника. Или друга?

– Какие симпатичные, хоть и одинаковые, – с придыханием выдала Нольвен. – А этот говорливый – странный. Волосы, как по мне, слишком светлые, почти седые. Странно это как-то.

- Он меня осмел, а я даже лица не рассмотрела, – проворчала я. – Явный боевик.
- Так да, – кивнула лисонька. – Они ж в парадной форме. Ой, он ползет!

Пока я отвлеклась, лилейник полностью оплел мои ботинки и уверенно подобрался к бедру.

- Ну написано же – близко не подходить, – раздался чей-то горестный вопль.

Повернувшись на звук, мы увидели высоченного сутулого парня, который подходил к нам и на ходу надевал грубые перчатки.

- Уже в пятый раз его отрываю, – поделился он. – Никто ведь не читает.

Цветок затрясся так, что его дрожь передалась и мне.

– Скорей бы уж завял, – бурчал парень. – Его из дома Латвилей сюда отдали. Он там не прижился, вот парку и всучили. Оформили как подарок. А я мучься.

Он ухватил цветок за узкие листочки, и я тут же отмерла:

- Погодите! Ему же больно.

– А он по-хорошему не понимает, – пожал плечами парень. – Хотите – уходите с ним, оформлю его как безвинно погибшего от случайного огненного шара.

- Откуда он такой взялся? – осторожно спросила Нольвен.

– Маги пытались привить ему разум, да не вышло. – Парень махнул рукой. – Девушка Латвилей его забрала сюда из Империи. Да только девушка замуж вышла, а муж сказал: никаких экспериментов в доме. В итоге он тут, поганец. Все портит, абсолютно все.

Цветок в ожидании боли закрыл все свои соцветия. И сердце моей лисоньки не выдержало:

- Оформляй как безвинно погибшего. Мэль, пожалуйста, давай его заберём?

Меня немного пугали слова, что цветок все портит, но... У него осталось меньше половины целых жгутиков, да и вообще – не знаю, что там с разумом, но боль он явно чувствует. Иначе бы так не трясся. Не искал бы защиты от чужой жестокости.

Накрыв ладонью схлопнувшиеся соцветия, я кивнула:

- Будем считать, что его сожгли.

Затем, когда парень, радостно потирая руки, умчался куда-то за бумагами, я погладила цветок и проворчала:

- Ты уж ползи мне на плечо, а то на ноге как-то неудобно.

И ложный лилейник, шустро шевеля жгутиками, забрался мне на плечо и радостно расцвел.

– Только, Мэль, его ж тут многие видели, – опасливо произнесла Нольвен. – Может... Ого?!

- Что – ого? – напряглась я.

– Он сменил форму соцветий, – восхищенно произнесла моя лисонька. – Как назовем? Лилия?

Хоть мне и было плохо видно, но даже я заметила, как сердито он распушился.

– Лилей? – предположила моя неутомимая подруга. – Лилей, он согласен. А сокращенно – Лиль. Здорово! Идем праздновать!

- Как бы нам всем втроем в казематах не оказаться, – проворчала я.

И, когда к нам вернулся работник парка, решительно подписала бумагу, где указала себя как свидетеля случайного цветоубийства.

– Обратно не примем, – сощурился парень. – Принесете – и я его сразу лопатой перерублю! Чтоб, значаща, наверняка.

– Смотри, как бы тебя не перерубили, – возмутилась Нольвен и погладила Лилея по листочку. – Вряд ли этот красивый малыш пакостил специально. Ему, может, тепла не хватало. Или витаминов. У нас земля-то ни разу не плодородная!

– Да я тут с удобрениями с утра и до позднего вечера ношусь! – не выдержал парень. – Эх вы, колдуньи, а доверчивые, как дети.

С этими словами он развернулся и ушел.

– Ох, опоздаем же в ресторацию, – выпалила Нольвен, и мы ускорили шаг.

И пока мы шли, моя лисонька пересказывала Лилею все-все наши беды и горести. Как она пояснила, маги-научники доказали, что цветы любят, когда с ними говорят.

– А у нас какой цветок, – восхищалась она, – всем цветам цветок! Да, Лилей?

Лилей шелестел узкими листочками и крепко держался за мое плечо.

– Мне только одно интересно: ему горшок нужен? Этим надо будет озаботиться до поступления в военку.

– В крайнем случае тиснем вазон из парка, – пожала плечами Нольвен. – Что? Потом вернем, как на выходные отпустят.

– Тогда не "тиснем", а возьмем на время, – поправила я ее и добавила: – А вообще, если все будут так делать, то у нас город станет страшный и некрасивый. Лучше у Меры ту фарфоровую супницу возьмем.

Нольвен с ужасом посмотрела на меня и страшным шепотом ответила:

– Я не готова умирать, тем более такой смертью. Она же застebet нас насмерть. Как за те голубые блюдца, помнишь? Когда мы их левитировали в стену!

Так, посмеиваясь и поглаживая Лилею, мы пришли к ресторации. Внутрь мы вошли исключительно вовремя: наши однокурсники уже расселись по местам и нам с лисонькой было уделено максимальное внимание! Звонкий колокольчик на двери заставил всех повернуться в нашу сторону.

– Девочки, вы прекрасно выг... Маэлин? Нольвен? – наш записной сердцеед Ролан на мгновение оторопел, а после рассыпался ворохом комплиментов.

Мой бывший жених, сидевший во главе длинного прямоугольного стола, только досадливо поморщился, но ничего не сказал. Вот только когда мы в сопровождении болтуна Ролана подошли к столу... О, надо было видеть эти глаза, полные гнева! Мой костюм его явно впечатлил.

– Маэлин, тебя бы как-то посадить поближе к Стевену, – призадумался Ролан. – Ты у нас первая в списке, да и вообще, вы же уже сколько лет помолвлены.

– Не стоит беспокоиться, Ролан. – Я положила руку ему на плечо. – Вон два свободных места, как раз для нас с Нольвен. А помолвка расторгнута.

– Не стоит бросаться столь громкими словами, Маэлин. – Стевен встал со своего места и властно произнес: – Ты сядешь рядом со мной, на углу. Никому не придется двигаться.

Все двадцать человек замерли, превратившись в одно большое ухо.

– Ну оттащи меня, – хмыкнула я и плюхнулась на свободное место.

Рядом со мной грациозно опустилась моя лисонька, и взгляды собравшихся скрестились на Стевене.

– Мы поговорим об этом позже. Как и о твоём отвратительном внешнем виде.

– Да? – делано простодушно удивилась Нольвен. – А тем парням понравилось. Помнишь ту тройцу выпускников военки? Мы их в парке встретили.

И моя лисонька принялась делиться восторгами по поводу того, какие эти парни были "Ух" и "Ах". И высокие, и широкоплечие, и такие "по-военному суровые". Лисонькина соседка, жадно блестя глазами, впитывала слова Нольвен как губка и даже глаза закатывала.

– Надо признать, что они немного грубоваты, – вскользь заметила я. – Но это скорее от прямоты характера, а не от внутренней подлости и желания оскорбить. Или предать.

В сторону Стевена я не смотрела, но искренне надеялась, что мои слова до него долетят. Хочу ли я за него замуж? Да ни за что. Хочу ли я как-нибудь отомстить поганцу? О да. Но я не

бабушка, во мне нет столько внутреннего безумия, чтобы сломать негодяю нос и спалить его дом. Не тот, который принадлежит его родителям, а тот, который он "уже присмотрел".

"А было бы неплохо станцевать на пепелище", – мелькнула в голове предательская мыслишка.

Рассеянно погладив Лилея, я наконец осмотрелась. Зал наша староста, она же квэнти Тревёр, выбрала замечательный. Хотя для двадцати человек здесь слишком просторно. Так-то нас почти тридцать, но... Но не всем позволено было прийти. Три замечательные целительницы сейчас сидят дома и, горестно вздыхая, ждут своих мужей с праздника. Мы с Нольвен были в шоке, когда узнали, что наши сокурсники запретили своим женам-сокурсницам приходить на общий праздник.

Стивен тогда сказал: "Я бы никогда так не поступил. Это ведь наш общий триумф".

От воспоминаний стало горько, и я пропустила момент, когда на столе материализовались еда и вино. Зато не пропустила то, что Лилей запустил в мой бокал свой тонкий полупрозрачный корешок и стремительно втянул в себя все содержимое одного бокала. И в тот же момент выяснилось, что на столе и посуде заклятье самопополнения: бокал вновь наполнился, а корешок-то был еще там!

Пытаясь воевать с цветком-алкоголиком, я краем уха слышала, как моя лисонька живописует наши сегодняшние приключения. Миала – я наконец-то вспомнила имя однокурсницы, с которой никогда толком не общалась, – только вздыхала и вздыхала.

– А кто не такой? – спросила она в итоге. – Это стихийницы или боевички могут себя в семье правильно поставить. А мы что? Слабые целительницы.

Кое-как вытащив верткий корешок из бокала, я чуть перегнулась через Нольвен и серьезно спросила Миалу:

– А что, ты не можешь устроить слишком наглому жениху несварение? Очищение кишечника, Миа, очень благотворно влияет на характер мужчины. Другое дело – ненадолго.

– Что-то ты своим же советом и не пользовалась, – прищурилась Миала.

– Чегой-то? – фыркнула Нольвен. – Они со Стивеном воевали два курса подряд. Это уже к третьему он притворился нормальным человеком, а в конце пятого гнилая сущность выползла наружу. Ой, Мэль, смотри! Какая прелесть!

А прелестью оказался Лилей, который запустил корешок в бокал моей лисоньки.

– Чего ты жадничаешь? – хихикнула Нольвен. – Ему явно вкусно.

– Он принял на грудь уже как минимум три бокала. – Я укоризненно посмотрела на веселящуюся подругу. – А если отравится? Мы несем за него ответственность!

Лилей как будто понял меня, погладил меня по щеке узким листочком и метким броском жгута подтащил ко мне блюдо с пирожными.

– Ты ж наша прелесть, – умилилась Нольвен. – Растение добытчик!

Я только головой покачала, но пирожное с подноса взяла.

– Кстати, – Нольвен, ничуть не брезгуя, пригубила свое вино и прищурилась, – матушкина наука не пошла тебе впрок?

– В смысле? – нахмурилась я.

– Стивен. – Лисонька кивнула на моего бывшего жениха. – Где фурункулы? Неужели он смог разгадать нашу модификацию?

Повернувшись к Тенеану, я чуть прищурилась и, ухмыльнувшись, покачала головой:

– Неа, присмотрись.

Нольвен перегнулась через меня и пристально всмотрелась в Стивена.

– Ха, иллюзия. Да какая ущербная, – воскликнула она.

Увы, возглас Нольвен совпал с желанием нашей старосты произнести тост. Иными словами, именно в тот момент возникла пауза и слова лисоньки расслышали абсолютно все. После

чего Стевен вновь привлёк к себе внимание наших сокурсников. Метнув на меня гневный взгляд, он криво усмехнулся и произнес:

– Давайте послушаем квэнти Валику Тревёр, лучшую выпускницу нашего курса! И, чисто между нами, первую красавицу нашей группы.

– Хороший удар, – оценила Нольвен. – В цель. Обновить на тебе заклятье?

Но я покачала головой:

– Знаешь, вино неплохо справляется. И Лилей на него больше не посягает... Стоп, а где цветок?!

Лилея нигде не было видно. Ох, чувствую, это плохо кончится.

– Ой-ой, – тихо-тихо выдохнула Нольвен. – Кажется, сейчас что-то будет.

Я проследила за ее взглядом и сдавленно ругнулась: у руки Стевена завис узкий зеленый листочек.

Дрегарт Катуаллон

– Ты чего так от целительниц рванул? – спросил меня Фил, на что я только досадливо отмахнулся:

– Не твое дело.

– Э, нет, так дело не пойдет, – нахмурился он. – Ты исчез после пятого курса, где-то шатался три года, а сейчас вернулся и претендуешь на место капитана турнирной команды. И при этом бегаешь от целителей, как от огня. Между прочим, те девчонки были очень даже ничего. Особенно светленькая, в синем. Мы бы их спасли от приставучего растения, а они...

Я резко повернулся к нему и жестко спросил:

– Ты думаешь о чем-то, кроме девок и выпивки? И я не претендую на место капитана турнирной команды, я им являюсь. А вот ты рискуешь не попасть в группу. Исключительно из-за собственного разгильдяйства. И ты, и твой близнец Фраган – первые в боевке, но ты при этом последний по всем остальным предметам.

Филиберт окинул меня задумчивым взглядом и хмыкнул:

– Так бы и сказал, что присмотрел синеглазку себе. Целители, кстати, гуляют в ресторации на соседней улице.

– Мне больше интересно, – флегматично заметил Фраган, – с чего это две девицы целительницы вырядились как наши сокурсницы? Уж не в военку ли они собираются?

В словах обычно молчаливого Фрагана был резон, но... Целительницы в нашей академии? У нас, конечно, есть отделение для военных лекарей, но выпускницы Сагертской Академии Исцеления эту программу не потянут. Слишком разный подход.

– Тебе не кажется, что ты слишком часто посещаешь мемориал? – раздался мелодичный голос моей главной головной боли.

– У меня хотя бы есть причина, – ответил я резче, чем хотел.

Но когда это смущало Ильяну?

– Илька, – радостно ощерился Фил, – не ожидал тебя тут встретить.

Мне оставалось только сжать зубы и отвернуться.

– Становится хуже? – в отличие от Фила, его близнец Фраган был моим другом. И он был в курсе моей маленькой особенности, из-за которой пришлось "пропасть" на три года. Пропасть и пропустить битву у Серых Скал.

"Если бы я был рядом, они бы выжили", – мелькнула в голове привычная мысль. И взгляд против воли выцепил родные имена на высокой мраморной стеле.

Фил продолжал трепаться, а мне в висок раскаленным гвоздем ввинчивалась его ложь. И так каждый гребаный раз, когда какому-нибудь придурку приходит в голову солгать.

– У меня не было особой цели, – мило улыбнулась Ильяна.

И от этих слов гвоздь лжи в моем виске будто взорвался, разбивая сознание на осколки.

– Хэй, знал, что найду вас здесь!

– Никогда еще мемориал не был столь популярен, – процедила Ильяна. – Здравствуй, несчастье рода Ривелен. Все еще лелеешь надежду стать частью турнирной команды и снискать благосклонность своего отца? Не выйдет, так что не стоит преследовать нашего славного Дрегарта, он этого не любит.

– Не стоит решать за капитана, что он любит, а что нет, – запальчиво отозвался Волькан, а после ссутулился еще сильнее, – Гарт, тебя капитан стражи искал. Там кабак полыхает до небес, а ты вроде как спец по тушению огня.

– А где дежурные маги? – неприятно удивился я.

– Что за кабак? – тут же влез Фил. – Целители отжигают?

Филиберт заржал, вот только Ривелен серьезно ответил:

– Они самые. И дежурным потушить огонь не удалось: какая-то необычная модификация. Стража не хочет привлекать магистров, вот, попросили тебя найти. Ты же вроде работал с ними полгода?

– Мы имеем шанс спасти синеглазку и ее подружку, – причмокнул Фил и первым отошел от мемориала.

– Что там вообще произошло? – Я прихватил Ривелена за локоть, и мы пропустили близнецов и Ильяну вперед.

– Не знаю. – Парнишка пожал плечами. – Стражники увели двух девчонок и парня с обезображенным лицом. Там та-акое гнойные фурункулы – издали видать.

– Ясно, что ничего не ясно, – кивнул я.

– А, девчонки на наших похожи, – припомнил Волькан, когда мы уже подходили к пожарищу. – В брюках. И на фоне истерящих целительниц смотрелись довольно здравомысляще.

Все-таки та синеглазка... Тьфу, прилепилось же. Надеюсь, это просто совпадение и девицы не собираются в военку. Ну бред же, что им там делать-то?

Глава 3

Плат – летная платформа, разработанная артефакторами специально для Сагерта. Платы делятся на грузовые – более медленные; индивидуальные – скоростные и предназначенные только для одного пилота – и на семейные. Семейный плат треугольный, с высоким бортом, и находится этот плат в середине линейки – не такой медленный, как грузовой, но и не такой быстрый, как индивидуальный.

С потолка капала вода. Медленно-медленно, по капельке в полминутки. Пол был склизким и грязным, стены ничуть не лучше. Зато нам с лисонькой выделили грубо сколоченную лавку. Стевену, закрытому напротив нас, и того не досталось. Правда, вместе с лавкой мы получили и несколько заноз, ну да ладно. Все не на полу сидеть. Жаль только, что здесь экономят на освещении – потолок едва-едва светится, все вокруг однородно-серое и непонятное.

– Давай перетащим лавку в тот угол, – тронула я Нольвен за локоть.

Подруга сочувственно вздохнула и как маленькой объяснила:

– Там грязь.

– И капли воды, – с намеком произнесла я.

Увы, в камере было темно, и я не могла скроить какое-нибудь особенно выразительное лицо. Однако подруга меня поняла и тут же схватила за другой конец лавки.

Раздражающая капель тут же прекратилась – это Лилей подставил поникшие листочки под редкие порции живой влаги.

– Я только понять не могу, как все это вышло, – вздохнула моя лисонька и со смешком добавила: – Зато мы теперь точно знаем: со времен Меры тут ничего не поменялось!

Я только кивнула и попыталась припомнить, как вышел этот великолепный дебош. Но лисонька не планировала восстанавливать картину произошедшего в тишине и покое, она стремилась все это обсудить:

– Сначала ты пыталась сманить Лилея от Стевена.

Тут я поперхнулась смешком и мысленно понадеялась, что этого никто не заметил. Всем известно, как подманить собаку на кусочек ветчины, но чтобы то же самое проделывалось с бокалом вина и одним слишком свободолюбивым растением...

– Потом мы с тобой вместе придумали уважительную причину, чтобы подойти к Тенену, – продолжала вспоминать Нольвен. – В конце концов, Тревёр заслужила все те добрые слова, что ты ей сказала.

– Но мне кажется, – я нахмурилась, – что мы ее напугали.

– Ну да, – хихикнула Нольвен, – она ведь подарила тебе свой значок лучшей ученицы. И неплохо так подколола Стевена. Как же она сказала? Эх, не помню. Я в этот момент пыталась выпутать корешок Лилея из волос Стевена и при этом не привлечь его внимания.

– Ты вырвала ему клочок волос, – фыркнула я. – Это теперь называется "не привлекать внимания"?

– Во-первых, я извинилась, – тут же отреагировала моя лисонька. – А во-вторых, лучше грива этого поганца, чем корешки нашего цветочка.

А я прикрыла глаза, вспоминая наш короткий разговор с Валикой:

"– Ты была самым достойным соперником, Вал, – подытожила я и криво улыбнулась, – жаль, что теперь у меня не будет такого впечатляющего стимула рваться вперед.

Тревёр прищурилась, скосила взгляд на Стевена, который делал вид, что ничего не видит и не слышит, и отколола от своего платья значок лучшей ученицы:

– Пусть он будет у тебя. Вернешь, когда окончишь военку. Для меня было важно победить тебя. Или пройти вперед вместе с тобой. Сейчас этот значок потерял половину своей привлекательности. Такую же половину потерял и вкус победы.

– Ты сдурела?! – заорал Стевен, и мы с Тревёр ошеломленно уставились на него.

– Ой, извини, – мило улыбнулась Нольвен и протянула ему что-то. – Вот, возьми. Я случайно".

– Отец-Хаос, ты еще и выданный клочок волос ему вернула, – я поперхнулась смехом. – А я-то вначале подумала, что он так разорался из-за поступка Вал.

– Она уже Вал? – с прохладцей спросила моя лисонька.

– Валика, – поправила я. – А ты вредная.

– У меня всего одна подруга. – Судя по шороху, Нольвен пожала плечами. – Проверенная временем, совместным незаконным бизнесом и совместными же пакостями. Готова передать часть тебя достойному мужчине, а вот всякие зазнайки-целительницы обойдутся.

Камера озарилась слабым красноватым светом – это наш цветочек немного обвыкся и начал излучать энергию.

– Вопрос в том, откуда взялся огонь. – Я ссадила с плеча Лилея и ахнула: – Лавка обугливается!

Нольвен тут же подхватила наш цветочек и спихнула на каменный пол. Наши взгляды скрестились на явно смущенном растении.

– Чувствую, что это он приложил свой листочек к дебошу, – протянула я.

А Нольвен, погладив Лилея, добавила:

– Прости, но на лавку тебе нельзя. Нам тут следы огня не нужны. Мы будем стоять намертво: ничего не видели, ничего не слышали.

– Мне кажется, это реакция на спирт, – задумчиво произнесла я. – Вино было отвратного качества. Первые пару бокалов еще можно было пить, а потом...

– А потом подавали компот со спиртом, – кивнула Нольвен. – Я тоже заметила. Думаешь, пожар – это случайность?

Нахмурившись, я постаралась восстановить цепочку событий. Вот только голова была тяжелой, а мысли неповоротливыми и медленными.

– Смотри, мы забрали Лилея и вернулись на свои места. До салюта оставалось с полчаса, да? Бабочки уже начали сливаться друг с другом так, чтобы на каждого выпускника приходилась только одна иллюзия.

– Эти иллюзии нехило тянули силу, – кивнула Нольвен.

– Обязательное условие качественного салюта. И потом, минут за двадцать до салюта, Лилея вновь понесло на приключения. Кстати, про компот – это не преувеличение. Он запустил корешок в мой бокал и вытянул весь спирт, оставив только вишневую сладкую жижу. – Я погрозила цветку пальцем. – Лилей, у людей алкоголизм почти не лечится, а у тебя и подавно не пройдет!

Лилей поник, его соцветия в очередной раз сменили цвет и истончились, неестественно вывернувшись.

– Не обижай ребенка, он больше так не будет, – тут же заступилась за него лисонька. – А когда он успел сбежать? Мы вроде следили за ним.

– Ты как раз объясняла Миале, как качественно и с гарантией проклясть человека поющими фурункулами, – усмехнулась я. – А Лилей рванул на другой конец стола, вспрыгнул на него и со смачным шлепком отвесил Стевену пощечину целым пучком листочков. Как раз в то же место, куда и я ему засветила. После чего наш цветочек скрылся под столом. Все это было настолько быстро, что вряд ли кто-то что-то заметил. Я это увидела только потому, что сама примеривалась сдернуть с Тенеана иллюзию.

– О, так вот кто снял иллюзию, – захихикала Нольвен. – Я-то уже на результат любовалась. Ребята сгрудились вокруг Тенеана и принялись врачевать фурункулы. Это я очень хорошо помню.

– А вот Тревёр отказалась, – с удовольствием произнесла я. – Причем диагностировала верно: модифицированное проклятие четвертого круга. Но лечить не стала.

– И вот в этой суматохе, где каждый хотел попытать удачи в исцелении твоего проклятия, загорелся пол. А потом вообще что-то дикое началось. – Нольвен нахмурилась, что в неярком свете Лилея выглядело жутковато. – Ни за что не поверю, что наши сокурсники и сокурсницы могли так испугаться. Мы все же целители. Спокойные и уравновешенные люди. Уже к третьему курсу никто не падал в обморок в анатомическом театре, а тут огня испугались! Да еще и такого слабого.

– Тот огонь, – я посмотрела на довольного Лилея, – и был работой нашего цветочка. Только зачем, Лиль?

Чувствуя, что его никто не осуждает, он распушился и выдвинул вперед несколько покалеченных листочков.

– Ого, – Нольвен слезла с лавки и присела на корточки перед цветком, – на тебя в суматохе наступили?

И Лилей согласно склонил соцветия.

– А что потом было? – Я нахмурилась. – Дым был странный, у меня голова тяжелая, как будто я не два бокала вина выпила, а раз в десять больше.

– Может, у парней было что-нибудь травнически-незаконное? – пожала плечами Нольвен. – Я больше не понимаю, почему из всех прихватили только нас.

– Потому что Стевен в драку полез, – фыркнула я. – Забыла, что ли? Когда всех вытащили во двор, он полез к нам.

– Я помню, – оскорбилась подруга, – но он полез, а не мы.

Немного помолчав, я задумчиво сказала:

– Вокруг нас уже не было бабочек. Так что нас, скорее всего, посчитали выпускницами военки, которые и заварили всю эту кашу. Готова поставить на это все свои конспекты. Но это неважно. До утра осталась всего пара часов, а нам нужно придумать, куда прятать Лилея.

Цветок заинтересованно встрепенулся.

– Прятать?

– Мы его украли, – напомнила я. – Да, с полного согласия работника парка, но – украли. И сейчас мы, на минуточку, в казематах.

Лилей тут же принялся менять свой внешний облик, но ему не хватало сил. Или питания? В общем, он постепенно возвращался к прежнему облику. Только цветы были тощенькими и все так же неестественно вывернутыми.

– Ты больше не поджигаешь? – спросила я цветок, и тот неловко пошевелился. – Тогда забирайся мне на голову и попробуй притвориться частью прически.

И уже через пару минут я остро пожалела, что все это затеяла. Тонкие корешки, оплетающие отдельные волосинки, порождали непередаваемо мерзкие ощущения. Я вытаращила глаза и крепко вцепилась в лавку, потому что больше всего мне хотелось запустить пальцы в волосы и со вкусом почесаться. Так почесаться, чтобы разодрать кожу головы в кровь.

– А теперь я знаю, что чувствуют блохастые псы, – сдавленно просипела я.

– Зато Лилей спрятался почти полностью, наружу только цветочки торчат, – утешила меня Нольвен.

– У меня нет столько волос, – усомнилась я. – Он же крупный.

– Жить хочет, – пожала плечами Нольвен. – Давай поиграем?

– Ты взяла карты? – заинтересовалась я.

– Не, поназываем медицинские проклятья, – пояснила моя лисонька. – Кто меньше знает, тот забирается на лавку с ногами и кукарекает.

– Ну давай, – прищурилась я.

Битва вышла славной. Мы азартно перекрикивали друг друга, вспоминая самые старые и изощренные проклятья, но, увы, я проиграла. Это даже не было обидно – проиграть в такой игре одной из рода Лавант совсем не стыдно.

Одна беда: именно в тот момент, когда я (весьма музыкально) кукарекала, дверь в нашу камеру открылась и внутрь вошла Мера. В сопровождении того толстячка, который нас сюда определил.

– Преемственность поколений, – хмыкнул он и кивнул на стену. – Вон там ваша бабушка, квэнти Конлет, нацарапала неприличное слово. А сверху заполировала его каким-то хитрым проклятьем – ни закрасить, ни соскоблить.

– Мэль, детка, рассвет еще не наступил, – усмехнулась бабушка, – рано ты глотку драть начала. Давайте, девоньки, на выход.

– А что хоть случилось? – спросила Нольвен. – Мы как-то даже понять ничего не успели.

– Там еще работают специалисты, – толстячок заговорщицки улыбнулся, – скажу по секрету: кто-то из ваших сокурсников притащил одну, м-м-м, сушеную травку, которая сгорела и оставила после себя, мгм, не слишком хороший дым. Но, будто этого было мало, ваша сокурсница, Миала Росхем, упала прямо в огонь и ее бабочка, уже полностью готовая к созданию фейерверка, этот самый фейерверк и устроила.

– А все остальные иллюзии были настроены по принципу цепной реакции, – кивнула я. – Ну а нас-то за что?

– Не признали вас мои стражники, – засуетился толстячок. – Алвориг Тенеан кричал, что все из-за вас, вот вас и прихватили. Подумали, что боевики в преддверии Турнира воду мутят.

– Хорошо, – согласилась я. – Тогда Стевена за что?

– Ну а где же это видано, чтоб мужчина с кулаками на женщину лез? – удивился толстячок. – Да еще без объявления дуэли? Вот и его упаковали. Остальных отвезли в столичный дом исцеления.

Мы с Нольвен переглянулись и, готова поспорить, подумали об одном и том же: "Этот выпускной запомнят надолго".

Вслух же я сказала совсем другое:

– Спасибо вашим стражникам, что увезли нас сюда, а не в дом исцеления. Нам там потом работать, а такие вещи забываются очень долго.

– Или не забываются никогда, – с хорошим чувством момента произнесла Мера и добила нас: – Ну, за мной, курочки. Ко-ко-ко.

– Ку-ка-ре-ку, – поправила ее я.

Стевен, подошедший к решетке своей камеры, проводил нас растерянным взглядом. И, когда мы уже подошли к лестнице, он крикнул:

– Я не знаю, почему пытался тебя ударить!

– Я знаю, – фыркнула Нольвен, – потому что ты, мх-х-х, низко интеллектуальный индивидуум с ограниченной социальной ответственностью.

– Это, прости, какое слово было? – с уважением спросила у лисоньки.

– Нормальное, – буркнула сердитая подруга. – Подходящее для этого... Аргх! Подходящее для этого ничтожного представителя мужской части Сагерта.

Наклонившись к Нольвен, я шепотом произнесла два слова, и она, хмыкнув, буркнула:

– Второе. Хотя первое тоже он, но как-то оно недостаточно экспрессивно. Не передает всю гамму чувств, так сказать.

Перешептываясь, мы выбрались наружу, жадно вдохнули свежий ночной воздух и погрузились в плат. Я уже успела облегченно выдохнуть – Лилей остался незамеченным, – как этот толстяк указал на меня рукой:

– У вашей внучки изысканный вкус, одно непонятно: как вы придали цветку столь необычный оттенок?

Бабушка скептически посмотрела на меня, пыхнула трубочкой и спокойно сказала:

– Вам для дела или так?

– Для дела. – Толстячок промокнул лоб платочком. – Жена у меня до чего любит такие вещи!

– Девочки пришлют вам письмо, где все подробно и обстоятельно опишут, – уверенно произнесла Мера и запрыгнула в плат. – А сейчас, уж простите, не до того: я старая, у меня режим.

Плат поднялся вверх, а мы с Нольвен приготовились к головомойке.

– Что, жмуритесь от ужаса? – хмыкнула Меровиг. – Бойтесь-бойтесь, бабушка сердита.

– А можно узнать, на что конкретно ты злишься? – осторожно спросила я.

– У вас было столько свободного времени, – прищурилась бабушка, – неужели не угадали?

Мы предпочли промолчать. Глядишь, какие-то наши выкрутасы мимо пройдут.

– Я была спокойна, – Мера смотрела вперед и уверенно правила платом, – ну сожгли кабак, туда ему и дорога. Вечно вино спиртом разбавляют. Вот только парнишка, присланный алворигом Солсом, радостно выболтал мне, что огонь был особенный. И что даже Гарт не смог его погасить с первого раза. Сразу оговорюсь, что это за "Гарт", я понятия не имею. И тогда я решила разобраться в произошедшем.

У меня в прическе началось активное шевеление. Казалось, что Лилей пытается полностью слиться с моей прической.

– Значит, вы не сердитесь? – опасливо уточнила Нольвен.

– Я разочарована. – Мера перевела на нас взгляд. – Я выпустила из дома двух взрослых девиц, дипломированных целителей. А оказалось, что вы просто гырбы безмозглые! И даже сейчас вы не понимаете, что происходит, да? Вот скажи мне, Мэль, что за существо притаилось в твоих волосах?

– Это Лилей, – улыбнулась я, – мы...

– Украли его из парка, – вместо меня продолжила бабушка. – Это я уже знаю. Как там? Погиб из-за случайного огненного шара.

– Он хороший, – робко произнесла Нольвен. – Тот парнишка хотел убить несчастного.

– А что вы о нем знаете? – тяжело вздохнула Мера. – Вы знаете, как за ним ухаживать? Вы знаете, опасен ли он? И если опасен, то что делать, если нападет? Вы хоть что-то знаете о ложных лилейниках?!

– Мы планировали заглянуть в библиотеку, – тихо призналась я.

Больше мне хотелось сказать, что у нас не было выбора: все-таки Лилей сам решил к нам присоединиться. Но за фразу: "У меня не было выбора" – бабушка сразу бьет по губам. И до того хлестко бьет! Мне хватило ровно двух раз.

– У нас был выбор, – уверенно произнесла Нольвен. – Искалечить живое и чувствующее растение или забрать его с собой. У него половина жгутиков изорвана: он пытался найти того, кто заберет из парка, но получал в ответ только жестокость. Он ведь не может говорить, как ему просить о помощи? Этот паренек, служащий, шел к нам и одновременно надевал толстые рукавицы. Он не собирался распутывать жгутики Лилея, нет. Он планировал легко и быстро оторвать их и бросить несчастного обратно на землю.

Меровиг прищурилась и, опустив плат во дворе своего особняка, сказала:

– Эти жгутики отрастают заново, и довольно быстро.

– Но ему больно, – возразила я. – Может, недолго. Но это не повод рвать его на части.

– Не повод, – согласилась бабушка, – но и ты не можешь отрицать, что вы поступили совершенно безответственно. В нашем мире так много опасностей, и вы просто берете и забираете с собой разумное растение. Он ведь может быть ядовит, Мэль. А еще он может удушить тебя или запустить корни в твоё тело. Как сейчас он оплетает твои волосы, так же он может оплести твои легкие.

Я опустила глаза и вздохнула. Да, наверное, мы и правда повели себя безответственно, но я не жалею. Лилей своеобразное существо, но он не злой.

– По твоему упрямому виду мне ясно, что стыдливого покаяния можно не ждать, – покачала головой бабушка. – Балбески вы. Вся моя седина – ваша вина.

– Но у тебя нет седых волос, – возмутилась я.

Меровиг на мгновение запнулась и тут же кивнула:

– Да, снаружи нет. Но ты даже не представляешь, какая седая у меня душа! Все, быстро в дом и спать. Вам с утра еще алворигу Солсу письмо писать.

– Но мы не знаем, как перекрасить цветок, – Нольвен сцедила зевок в кулак и развела руками, – совсем не знаем.

– А разве это моя проблема? – удивилась бабушка. – Что мешало спрятать цветок под блузку? Снять жакет и завернуть его в него?

Мы с Нольвен переглянулись и тяжело вздохнули:

– Не подумали.

– То-то же. Значит, утром и новое заклинание придумаете, – бабушка широко улыбнулась, – доброй ночи.

– Доброй ночи, – уныло отозвались мы. – Только где мы спим-то?

Бабушка как-то рассеянно оглядела свой темный особняк и кивнула на мансарду:

– Там. Я постелила вам на полу, на матрасах. Не вижу смысла делать ремонт: занятия в военке вот-вот начнутся. А вы еще даже собеседование не прошли. Сколько дел, сколько дел.

Покачивая головой, Мера прошла на кухню. Мы сунулись было за ней, но были отправлены спать.

– Не в вашем возрасте по ночам кофе пить. – Меровиг махнула на нас полотенцем. – Оставьте бабушку в покое, бабушке надо запить стресс.

Поднявшись на второй этаж, мы с Нольвен вошли в приготовленную для нас комнату. И в унисон выдохнули:

– Да на нее весь Кальстор шпионит!

Между двух плотных и высоких матрасов стоял горшок с черной жирной землей. И кувшин с чистой водой. Все это великолепие подсвечивалось гроздью осветительных шаров нежно-розового оттенка.

– Лилей? – позвала я, и цветок тут же принялся выпутывать корешки из моей прически.

– У тебя такое лицо, будто ты готовишься убивать, – хихикнула лисонька.

– Есть такое, – согласилась я и, едва Лилей шмякнулся на пол, запустила пальцы в волосы и яростно почесалась.

– Смотри-ка, ему нравится, – Нольвен кивнула на нашего друга-алкоголика, – впервые вижу, чтобы цветок частью корней сидел в горшке, а часть запустил в кувшин с водой.

Я только посмеялась, подобрала с одеяла ночную рубашку и ушла за ширму, стоящую в углу. Переодевшись, я вытащила из сундука старую мягкую щетку и села разбирать волосы. Хорошо, что у бабушки достаточно наших с Нольвен вещей. Сколько раз нам доводилось ночевать в мансарде? Раз пять, наверное. Но это всегда было интересно и захватывающе.

– Что будем делать с заклятьем? – Моя лисонька тоже переделась и плюхнулась на свой матрас.

– Сначала выспимся. Мы в казематах провели часов пять-шесть, – я зевнула, – и ничего не делали. Но устала я так, будто к выпускным экзаменам готовилась, а в перерывах целину копала. Как тогда, на практике с травниками.

Нольвен передернулась:

– Я после той практики неделю кровавые мозоли сводила. Доброй ночи.

Я собрала волосы в простую косу и, забравшись под одеяло, отозвалась:

– Добрых снов. Погасни.

По кодовому слову шары перестали светиться и прилипли к потолку. Закрыв глаза, я полностью расслабилась и практически мгновенно уснула. Еще успела подумать, что надо наколоть будильник, но, увы, сделать этого не успела.

Глава 4

Все утро мы с Нольвен провели в бабушкиной библиотеке. Сама Мера в это время пила кофе, дымила трубкой и ехидно комментировала наши жалкие попытки рассчитать заклятье для смены окраса у цветущих растений.

– Может, мы напишем алворигу Солсу, что это редкое фамильное заклятье? – мрачно спросила я и помассировала шею. – Уже десятая ромашка лепестки отбросила!

– А что вы будете делать, когда вновь попадете в казематы? – с нескрываемым интересом спросила Меровиг.

– Мы туда не попадем! – возмутилась Нольвен.

– Да вы вроде и в этот раз не собирались, – бабушка флегматично пожала плечами, – но ведь попали.

– Так-то да, – вздохнули мы с лисонькой в унисон.

– Попробуйте перестать считать и начните думать, – посоветовала Мера и встала, – мы с алворигом Нортренором идем на прогулку, к морю. У вас два часа на все.

– А что потом? – настороженно спросила я.

– А потом у вас собеседование с ректором Сагертской Военной Академии. Я не предупреждала?

– Нет, – обиженно произнесла я.

– Ну, значит, предупредила. – Мера пожала плечами и встала. – Давайте, девочки, думайте, прежде чем за таблицы хвататься.

Дверь библиотеки захлопнулась, и в этот же момент Лилей высунулся из своего горшка. Удивительно, но цветок мог полностью зарыться в землю. Хотя, возможно, ему это удавалось из-за священного трепета перед бабушкой? Мера этим утром долго и вдумчиво беседовала с Лилеем и, как мне кажется, обрисовала ему его яркое, но недолгое будущее, если он применит к нам свой яд.

– Почему мне кажется, что ей известно заклятье, которое нам нужно? – мрачно спросила Нольвен и положила голову на скрещенные руки.

– Кажется? Да я в этом уверена! Бабушка и ее экстремальное обучение. – Вздохнув, я встала из-за стола и повела плечами. – Может, по чаю?

– Ага, по чаю, – буркнула моя лисонька и подтащила к себе ворох таблиц с классификацией всех общеизвестных заклятий. – Скажи еще – с печеньем.

– Можно и с печеньем, – я пожала плечами, – почему нет?

Нольвен укоризненно посмотрела на меня и наставительно произнесла:

– Потому что под чаек с вкусняшкой время летит вдвое быстрее. Оглянуться не успеешь, а уже пора на ковер к ректору Аделмеру. Чай – это магия, пожирающая время.

– Но ведь оттого, что мы бессмысленно пялимся в таблицы, ничего не меняется. Лилей, у тебя есть идеи?

Цветок забавно напыжился, а после изобразил тяжкий вздох. Ясно, идей нет ни у кого. Хотя...

– Знаешь, – я села обратно за стол, – стоит набросать письмо алворигу Солсу.

– С надеждой на ухудшение его зрительного нерва? – с интересом спросила Нольвен.

– Нет, – я улыбнулась, – с чистосердечным признанием.

Моя лисонька вновь отложила таблицы и подперла подбородок кулаком:

– М-м-м, что-то вроде: мы, такие-то такие-то, в такой-то день совершили хищение...

– Не-а, – я улыбнулась. – Мы, такие-то такие-то, честно признаемся в том, что не знаем заклятья, способного надежно перекрасить цветущие растения. Напишем, что сделали все вручную, при помощи пищевой краски, а после зафиксировали все косметическим щитом.

Несколько секунд Нольвен молчала, после чего выдохнула:

– И я готова поспорить, что Мера именно это и имела в виду. Пиши, Мэль. У тебя почерк лучше.

Набросав послание, мы с лисонькой запечатали его и положили в почтовый ящик. После обеда оно отправится к адресату.

– Теперь чай. – Нольвен потерла ладони друг об друга.

– погоди, – я вскинула руку, – дяде напиши.

– Пф, я все сделала, пока кто-то плескался в ванне, – фыркнула лисонька. – Так что – чай.

И воистину, моя бесценная подруга была права: мы не успели толком насладиться вкусом нежнейшего зефира, как домой вернулась Мера.

– Видела письмо в ящике, – с ходу произнесла бабушка. – Ну что, включили разум или выключили инстинкт самосохранения?

– Чего? – оторопела Нольвен.

– Я говорю, додумались до решения проблемы или отказались разглашать семейные тайны?

– Мы написали, что красили цветок вручную, – улыбнулась я. – Чай будешь?

– Какой чай, – отмахнулась бабушка. – Плат уже ждет: пора на собеседование.

– А почему в такую рань? – спросила я и жестом отправила чашки в раковину, а зефир в коробку и на полку.

– Чтобы вы успели заполнить все документы и получить форму. И заселиться. Поторопитесь – будете жить в одной комнате.

– Поторопимся! – хором произнесли мы с лисонькой и рванули наверх – собираться.

Впрочем, одежда – все те же брючные костюмы – была приготовлена еще с утра. Так что нам оставалось только быстро-быстро переодеться и вперед, на ковер к Риордану Аделмеру.

– Не знаешь, что нас ждет? – опасливо спросила Нольвен. – Просто, знаешь, твоя бабушка потрясающая. Но они с ректором родственники... Что, если они похожи?

– У Аделмеров сильная кровь, – рассеянно отозвалась я. – Они все на одно лицо.

– Лицо... Что лицо, если я про характер, – проворчала Нольвен.

На мгновение я впечатлилась, но тут же вспомнила, что ректор – это административная должность. А значит, чтобы меньше контактировать с дальним родственником, нужно просто не нарушать правил. Ну или не попадаться.

– Все, я готова. – Нольвен повернулась ко мне. – А ты?

– И я. Надо выпросить у бабушки ее чудо-гребни. Ну что, ты готова стать одной из лучших студенток военки?

Нольвен скептически на меня посмотрела:

– Я готова плестись в хвосте. Где мы, а где боевка, если говорить о профильном обучении.

– Это да, – согласилась я. – Но мы-то станем частью высшей ступени. Там, кажется, профильное становится дополнительным. Вначале боевых магов учат, собственно, боевой магии, а потом дообучают остальным дисциплинам.

– Профильное остается профильным, – закатила глаза Нольвен. – Просто зачеты сдавать не надо – там уже идет индивидуальное оттачивание навыков и большая часть студентов имеет собственных тренеров.

Я пожала плечами и вышла из комнаты. Конечно, я не рассчитываю стать лучшей. Да у меня и нет такой цели. Мне нужно получить место в группе полевых целителей. И пройти распределение на практику в доме исцеления. В хоть каком-нибудь доме исцеления... На столичный я не рассчитываю: там все места записаны за студентами Высшей Академии Целительства.

Всю дорогу Мера загадочно улыбалась. Это, если честно, немного напрягало. Не то чтобы у бабушки не бывало хорошего настроения, нет. Просто обычно оно чем-то обусловлено.

– Чую подвох, – шепнула я Нольвен.

Моя лисонька нервно покосилась на лучащуюся довольством Мэру и нервно ответила:

– Сплюнь. И по дереву постучи.

– Подлетаем, – промурлыкала Мэра и предвкушающе потерла ладони. – Как вы помните, девоньки, платы по территории Академий не летают. Сейчас получите гостевые пропуска и вперед, на собеседование.

Последнее слово бабушка произнесла с такой глубокой интонацией, что мне подурнело.

«Это просто еще одна Академия, – строго выговорила я себе. – Ничего такого, с чем бы я не сталкивалась раньше. В конце концов, у нас тоже был дуэлинг».

Мы выгрузились из плата, получили у дежурного одноразовые пропуска на учебную территорию и на развилке уверенно свернули на черную дорожку. Кто-то умный однажды решил выделить направления к разным Академиям разными цветами. Целителям достался белый, стихийникам красный, а боевым магам – черный. Из-за этого в народе даже появилась поговорка «Пойти по черной дорожке». Хотя лично я считаю, что больше всего с цветом не повезло нам, целителям. Хорошо еще, что мы с Нольвен ни разу не попались на нарушении правил. Но другие ребята рассказывали, как муторно отмывать и очищать белоснежные камни.

– Сагертская Военная Академия, – заговорила вдруг бабушка, – делится на две ступени. Низшую – с первого по пятый курс, и высшую – шестой и седьмой курсы. После низшей ступени боевой маг получает медную бляху и может идти на все четыре стороны. И только пройдя высшую ступень обучения студент получает диплом. Собственно, я это говорю к тому, чтобы вы не удивлялись отсутствию второго здания. И второго названия. Сагертская Военная Академия неделима, просто часть учеников уходит после пятого курса.

– А кто уходит? – заинтересовалась я.

– Те, кто не могут обучаться дальше. Есть те, кого просто не берут, есть те, кто не тянет, – бабушка пожала плечами, – все-таки Военная Академия – это не только разухабистый дуэлинг. Вот, к слову, в турнире Академий имеют право принимать участие только студенты шестого и седьмого курсов. А у вас, у целителей, могут принять участие все, кто прошел отборочные.

– А у стихийников? – спросила Нольвен.

– Да кто ж их знает? Они все с головой не в ладах, – фыркнула Мэра. – Может, жребий тянут, может ждут божественного знамения.

Черная дорожка привела нас к такому же черному и массивному зданию.

– Административно-учебный корпус, – с гордостью произнесла бабушка.

– Квадратный, – задумчиво произнесла Нольвен.

– Прямо скажем, изображение не поражает, – согласилась я.

– Здесь не в чести иллюзии, – хмыкнула Мэра и кивнула на распахнутые двери, – добро пожаловать, девоньки.

Мы вошли в просторный холл и тут же наткнулись на странное сооружение – прямо от дверей шло ограждение, не дававшее нам свернуть ни в одну из сторон, а впереди нас ожидала... Раскрашенная черно-белым палка? Как на заставе где-нибудь на окраине Сагерта.

– Жетоны, – мрачно произнес высокий парень в серой робе.

Мы с Нольвен, внезапно оробев, протянули выданные пропуска.

– Проходите, третий этаж, налево, дверь с подпалинами. Номера нет, – так же мрачно произнес он, изучив наши жетоны.

– Кто это? – шепотом спросила я.

– Штрафник. – Мэра рассеянно почесала кончик носа. – И когда подпалины появились? Вчера ж не было.

Хорошо, что бабушка ориентировалась в этих уныло-одинаковых коридорах. Потому что я уже начала сомневаться, что найду дорогу обратно.

– И правда подпалины. – Бабушка присела на корточки, колупнула сажу и растерла ее между пальцев. – А! Обсуждали бюджет, и Лефлет слегка психанула. Ну да, алхимикам постоянно урезают содержание.

С этими словами Мера постучала в дверь и одновременно открыла ее, не дожидаясь ответа.

– Ректор Аделмер, – она улыбнулась, – а вот и мои птенчики.

Шагнув следом за бабушкой, я чуть не запнулась о загнутый край ковра. Нольвен вовремя успела меня подхватить и не дать упасть.

Кабинет ректора Аделмера тоже не порадовал воображение – все строго, функционально и без каких-либо украшений. Многочисленные полки, едва ли не прогибающиеся под весом бумаг и всевозможных шкатулок, массивный стол, до половины заваленный папками, и три простых стула. Очевидно, для нас.

– Присаживайтесь. – Ректор кивнул на стулья. – Изучив ваши документы, я счел возможным пойти навстречу вашему желанию обучаться у нас. Из вас могут получиться достойные дипломированные специалисты. Но есть несколько нюансов.

Он сделал паузу, выхватил из воздуха массивную красно-коричневую трубку и принялся набивать ее табаком. Через пару минут по кабинету поплыл насыщенный шоколадно-грушевый аромат.

– Моя слабость, – тонко усмехнулся ректор и сверкнул синими, как у нас с Мерой, глазами. – Вы должны будете дать клятву о неразглашении наших методов обучения. Ее дают все студенты, начиная с первого курса.

Мы с Нольвен ошеломленно переглянулись, и я решилась задать вопрос:

– Но для чего это?

– Боевая магия не игрушки. – Ректор Аделмер присел на свободный край своего стола. – Не хватало еще, чтобы наши ученики принялись брать своих учеников. После основного обучения – пожалуйста, это даже приветствуется. Но вместо – ни за что. На Севере достаточно проблем, чтобы еще и переполнить наши земли боевиками-недоучками.

Пыхнув трубкой, он задумчиво добавил:

– У нас особые правила обучения. И особое отношение к студентам.

Глядя на ректора, я видела в нем черты Меры. И что-то мне подсказывало, что схожи они не только чертами лица.

«Кровь не водица», – отстраненно подумала я и поежилась. Кажется, скучно здесь не будет...

– У меня не так много времени, – ректор положил трубку на подставку, – поэтому младшей ступени военной академии я внимания практически не уделяю. Административные обязанности, будь они неладны. Но зато все свои силы я направляю на высшую ступень. Понимаю, многие путаются, ведь другие академии высшим курсам выстроили отдельные здания и дали пафосные названия. Не вижу в этом смысла. Роза пахнет розой, да.

Он вновь взял трубку, выбил ее и растворил в воздухе.

– С навозом та же история, – кивнула Меровиг. – Что ж, девочки, скоро увидимся. Подписывайте бумаги, давайте клятвы и идите устраивайтесь. Я пока соберу вам вещи и к вечеру пришлю сундуки. Ближайшие три недели вы не сможете покинуть территорию Сагертской Военной Академии.

– Да-да, – покивал ректор, и к нам подлетело по стопке бумаги.

Мы с лисонькой переглянулись и под насмешливым взглядом ректора принялись внимательно читать то, что предстояло подписать. Никакого подвоха мы не обнаружили, но зато заслужили похвалу:

– Далеко не все мои студенты читают то, что я даю им на подпись. Впрочем, после второго-третьего промаха это проходит. Никому не нравится трудиться при кухне или в парке.

Ректор подманил к себе бумаги, вытащил из каждой стопки по листку и, оставив на плотной бумаге свой росчерк, протянул их нам обратно.

– С этим к коменданту общежития. Обратите внимание, на обратной стороне схема этажа, так что не заблудитесь. Вы получите по запечатанному чемодану с чарами внутреннего расширения. В нем будет все необходимое. Остальное пришлет Мера. Доброго дня.

Подхватившись со стульев, мы скомканно попрощались и были уже у дверей, когда ректор спохватился:

– Ах да, вы имеете право принять участие в отборочных испытаниях. Турнир начнется через несколько недель, а наша команда до сих пор не укомплектована.

– Почему? – заинтересовалась я.

– Последние шестьдесят лет турнирный кубок забирает Высшая Академия Целительства, – с отвращением произнес ректор Аделмер. – Так что, с одной стороны, стать частью турнирной команды весьма почетно, а с другой стороны, никто не хочет позориться.

– Разве проиграть сильнейшему – позор? – прищурилась я. – Ведь турнирный кубок получает тот, кто лучше подготовлен. Три круга заданий и...

– Вот и примите участие в отборочных испытаниях. – Ректор щелкнул пальцами, и в его руке появилась дымящаяся трубка. – Вы же должны были стать частью команды, верно? Лучшие выпускники обязаны принимать участие в турнире, если он выпадает на их первый год обучения.

Он пыхнул трубочкой, а мне на мгновение подурнело. Стевен. Стевен будет принимать участие в турнире. Стевен получит кубок, и маленькая копия крылатой чаши будет принадлежать ему.

«Да ни за что!»

– Вы думаете, что я смогу что-то изменить? – с интересом спросила я.

– Мне интересно посмотреть, на что способна внучка Меровиг, – пожал плечами ректор. – А проиграть турнир я не боюсь – это уже привычно для Военной Академии. Круг дуэлей – мы первые по очкам, но все прочее...

Он развел руками и замолчал.

– Мы не будем обещать, что примем участие в отборочных испытаниях, – осторожно произнесла Нольвен. – Но клятвенно обещаем, что очень крепко над этим подумаем.

Ректор Аделмер пыхнул трубкой и ухмыльнулся сквозь клубы ароматного дыма:

– Подумайте, подумайте. Я вам, как ректор этой Академии, настоятельно рекомендую принять правильное решение.

– Это угроза? – оторопела я, узнав тон бабушки. Примерно таким тоном она задавала нам вопросы, на которые мог быть только один верный ответ.

– Это рекомендация, – ласково улыбнулся ректор, – а теперь идите и займитесь делами.

Выйдя из кабинета, мы с Нольвен синхронно вздохнули. Что-то мне подсказывало, что выбора нам не оставили. Вопрос только в том, как две целительницы могут помочь полностью боевой команде?

– Мэль, – позвала меня Нольвен и протянула маленький фиал с зельем. – Пора пить гадость.

Мы слишком часто использовали заклятье истинного спокойствия, и теперь, чтобы не захлебнуться эмоциями и чувствами, приходилось пить особое зелье. Моя лисонька сварила его сегодня утром, практически на коленке. А ночью... Ночью нас ждет откат. Кошмары, головная боль, сухость во рту и, периодами, потеря ориентации в пространстве.

«И вот стоило оно того?» – мрачно размышляла я, пока мы, ориентируясь по крошечной карте, шли к складу. Или как оно тут называется?

– Перерыв пять минут, – со вздохом прочитала Нольвен, когда мы уперлись в закрытые двери.

– Будем ждать. Ничего другого нам не остается.

Я подошла к окну и оперлась бедром на узкий подоконник. Будь он пошире, можно было бы присесть.

– Мэль, – окликнула меня лисонька, – а ты...

– Моль? – раздался чей-то манерный и неприятный голос. – Кто бы мог подумать, что кто-то назовет своего ребенка так.

Мы с Нольвен резко повернулись и увидели высокую, стервозно-красивую девушку в форме Военной Академии.

– Блеклые глаза, блеклая кожа и черные волосы, – тут же ошетилилась моя лисонька. – Никак у рода Вайрин еще одна девушка. Шестая, если я не ошибаюсь. Кто бы мог подумать, что кто-то будет плодить бесприданниц. В наше-то время, когда наложить печать на свою утробу может любая колдунья.

– Да, я из рода Вайрин, – хищно усмехнулась девушка и сверкнула глазами, – рода, который славится своими боевыми магами.

– Теперь перестанет, – хмыкнула Нольвен. – Шестеро девчонок – и только одна в Военной Академии. За мужем пришла?

– Ах ты...

– Приятно видеть новые лица. – По коридору к нам стремительно приближался высокий и ужасно худой мужчина. – Ильяна, сразу говорю: нет, ты не можешь поменять комнату. За все годы учебы ты сменила семь соседок. У всего есть предел! У моего терпения – тоже. Если твоя соседка опять подаст на тебя жалобу – будешь жить в городе. А ты знаешь, что это значит.

Квэнти Вайрин поджала губы, гневно фыркнула и, круто развернувшись, удалилась.

– А вы, значит, новенькие? Ага-ага, – он взял наши листочки, – ага. Хорошо, сейчас все выдам. И вот еще что: совсем свободная комната только одна, но там есть некоторые, мhm, недостатки. Вы можете поселиться в соседних или...

– Мы смиримся с недостатками, – поспешно сказала я.

– Да? – скептически посмотрел на нас комендант. – Хорошо. Тогда ваша комната сто четыре, на третьем этаже. Выйдете из административно-учебного корпуса, повернете налево, потом направо, отсчитаете три левых ответвления и... Я вижу, как стекленеют ваши глаза, девочки.

Мы с Нольвен виновато потупились.

– Ладно, – комендант махнул рукой. – Создам вам путеводный шарик. Но чтобы за первую неделю выучили, где что находится! Если встречу вас – проверю.

Через несколько минут мы почти бежали за путеводным шариком: комендант предупредил, что у него плохо получается это заклятье и оно может развеяться.

Но до здания общежития мы добежать успели.

– Оно одно? – удивилась Нольвен.

– Одно. – Я медленно осмотрелась. – Странно.

Мы подошли к массивным дверям, подле которых стояло несколько девиц.

– Оранжевые цветочки и не знали, что в Военной Академии есть женский этаж, но нет женского общежития, – ехидно пропела одна из студенток.

– Если мы – оранжевые цветочки, – я прищурилась, – то вы – полевые колючки?

– Сорная трава, – хмыкнула Нольвен и опустила свой чемодан на землю. – Для боевых магов слишком самоуничижительно.

– Языкастые, – усмехнулась заводила и зажгла в руках огненный шар. – Будет интересно поиграть.

Прямой стычки я не опасалась: среди листов, которые мы прочли и подписали, были и правила Военной Академии. Правил этих, к слову, было немного. Но они ясно и недвусмыс-

ленно запрещали студентам калечить друг друга где-либо на территории трех Академий. Единственное исключение – дуэльные площадки.

Нольвен насмешливо фыркнула и погрозила студентке пальцем:

– Тц-тц-тц, дорогая. Ты же не хочешь влететь на штрафные работы? Первое проклятье с тебя, а дальше...

Рука моей лисоньки на мгновение окуталась черной дымкой.

– А дальше посмотрим. За тобой пять лет отвязных тренировок, а за мной общая подлость характера.

– Тальвин Блант, – девица погасила огонь, – шестой курс Военной Академии.

– Маэлин Конлет, шестой курс Военной Академии, – в тон ей отозвалась я.

– Нольвен Лавант, – с усмешкой произнесла моя лисонька. – И вот странно – тоже шестой курс Военной Академии.

– Сандра Лерсан, – неохотно представилась невысокая светленькая девчонка, стоявшая за спиной Тальвин. – Шестой курс, специалитет – военный лекарь.

– Ирисса Легран, – так же мрачно буркнула третья, темноволосая и темноглазая девушка. – Седьмой курс, специалитет – боевая алхимия.

– И к чему этот теплый прием? – спросила я, видя, что нападать никто не собирается.

– Слухи ходят, – туманно ответила Тальвин. – Что в военку пришла родственница самого ректора и теперь ее будут целовать во все подходящие и неподходящие места. И что для нее уже подготовлено место в турнирной команде.

– Моя бабушка в девичестве Аделмер, – серьезно сказала я. – Вот только я – первая в списках лучших выпускников Сагертской Академии Исцеления.

– А я – четвертая, – так же серьезно ответила Нольвен. – Ректора Аделмера мы сегодня увидели впервые, но он не похож на того, кто будет подсуживать своему родственнику.

– И да, я собираюсь принять участие в отборочных испытаниях, – я посмотрела в серые глаза Тальвин, – потому что для меня не будет большей радости, чем встретиться в дуэльном круге с лучшим выпускником Сагертской Академии Исцеления.

– Ты сказала, что ты – первая в списке, – тут же прищурилась Тальвин.

– А мы не так близки, чтобы я изливала тебе душу, стоя на пороге общежития с тяжелым чемоданом в руках и...

– У тебя грудь шевелится, – оторопело произнесла Сандра. – Ты пронесла на территорию животное?! Это карается исключением.

– Это цветок, – успокоила я ее. – Они разрешены к содержанию в общежитии.

Непоседливый Лилей, который только чудом сдержал свое любопытство во время разговора с ректором, высунул цветок и несколько жгутиков. И все три наши новые знакомые с визгом отпрянули назад:

– Это ложный лилейник!

– В анкете мы написали «герань», – задумчиво произнесла моя лисонька. – Быть может, мы слегка плохо образованны?

Подмигнув, Нольвен подхватила чемодан и пошла вперед. Я, коротко попрощавшись, последовала за ней.

– Не так и плохо, – сказала я, когда мы, следуя за указателем, поднялись на третий этаж. – Я ожидала худшего.

– Оно будет, – утешила меня Нольвен. – Раз кто-то распускает слухи, то нас будут пробовать на зубок. Просто позже и умней. Это ведь даже не боевички, а такие же целительницы, как и мы с тобой.

– Ну-у, я бы так не сказала. Огненный шар – это огненный шар, – с сомнением протянула я.

– Ты тоже можешь его скастовать, – напомнила мне Нольвен.

– Да, – согласилась я. – Только он на ладони не держится, а улетает. И предугадать траекторию его полета не может даже твой дядя.

– И он, между прочим, называет это твоим тактическим козырем, ведь в тебя шар не летит, – хихикнула моя лисонька.

Коридор третьего, женского этажа был выкрашен в самый жизнерадостный цвет – серый. Серые стены, пол и потолок. Да, на эту краску лучше всего укладываются осветительные заклатья, но... Хотя бы какую-нибудь иллюзию бросили! Ну мрак же, как тут жить?

– Комната сто четыре, – прочитала Нольвен, когда мы дошли до конца коридора. – На что ставишь? Я за протекающий потолок и разбитые окна.

– Я ставлю на испорченные стены и пол, потому что выше не крыша, а еще один жилой этаж, – отозвалась я.

– Точно, – скривилась Нольвен. – Ну что, посмотрим, где нам предстоит жить ближайшие два года?

Толкнув дверь, мы вошли и, осмотревшись, ошеломленно замерли.

– Так, – нахмурилась моя лисонька, – и в чем подвох?

Я недоуменно пожала плечами и прошла чуть вперед. Попрыгала, колупнула ногтем гладкую свежеекрашенную стену и задумчиво произнесла:

– Пока не знаю, но уверена: подвох есть, и он должен быть гигантских размеров.

Я была уверена в своих словах, потому что комната объективно была великолепна. Большое окно с узкой дверкой, ведущей на маленький балкон, две постели, вокруг которых переливалось марево защитного полога, два маленьких стола и один огромный общий шкаф. И гроздь осветительных шаров, прилипшая к потолку.

– Может, еще попрыгать? – с сомнением спросила Нольвен. – Почему-то же здесь никто не живет!

Лилей соскользнул на пол, и мы попрыгали втроем – ничего не изменилось. Теплый деревянный пол даже не скрипнул.

– Ничего не понимаю, – вздохнула моя лисонька.

А Лилей, пошуршав по полу, грозно распушился и застрекотал.

– Отец-Хаос, чем конкретно ты издаешь эти жуткие звуки? – спросила у него ошарашенная Нольвен и подошла к сердитому цветку. – Ну, следы на полу. От обуви. Чего ты так разбушевался? Здесь никто не живет, вот пол и не помыт.

Цветок, сердито стрекотнув, вскочил на подоконник. Я, заинтересовавшись, подошла к следам и задумчиво произнесла:

– А ведь это не женский отпечаток. Обувь у всех, конечно, казенная, но размер...

Нольвен поставила свою ногу рядом с отпечатком и согласно кивнула:

– Да, такая лапища не у каждого парня бывает, а про девушек и думать смешно.

Мы начали искать, откуда ведут эти следы. И ожидаемо нашли еще несколько.

– Кто-то прошел от балкона к двери. – Я прищурилась и, осознав весь размах подвоха, коротко ругнулась.

– А подруге объяснить? – Нольвен переводила удивленный взгляд с меня на Лилея. – Что вам не так-то? Ну шорохался по комнате какой-то парень, и что?

– Женский этаж закрыт от посещения парнями, – напомнила я. – Балкон, грязные следы и...

Тут я подошла к окну, выглянула и продолжила:

– И мощный разросшийся плющ. Смекаешь?

– Ажуре-еть, – выдохнула Нольвен. – Это же подстава подстав!

– Недаром тут никто не хотел жить. – Я сердито шлепнула ладонью по подоконнику. – Через эту комнату проходит дорога счастья и любви.

– И мы теперь стоим на пути боевых магов, жаждущих общения со своими не менее боевыми подругами, – поджала губы моя лисонька. – Что делать будем? Вернемся к коменданту и располземся по разным комнатам?

Проведя пальцем по губам, я медленно покачала головой:

– Расходиться по разным комнатам не вариант. Попробуем бороться. Лилей, что думаешь?

Лилей распушился и угрожающе стрекотнул.

– Мне кажется, он за то, чтобы остаться в этой комнате, – улынулась я.

Нольвен чуть подвинула цветок и присела на подоконник.

– С одной стороны, боевые маги, которые жаждут любви и ласки, – медленно произнесла она. – С другой стороны, разойтись мы не можем: у нас Лилей. И заложить этих... мх-х, страстолюбцев мы не можем – станем изгоями.

– Но и штурмовать балкон они не смогут, – в тон ей сказала я. – Это будет слишком заметно. А значит, в ход пойдут каверзные проклятья, щиты и колдовские отмычки. Так что, зря мы пять лет платья протирали за партами?

Нольвен прищурилась:

– В бою от нас с тобой толку мало. Особенно в настоящем сражении, где все дерутся со всеми и ничего толком не понятно. Да и дуэли не наш конек.

– Но при этом, чтобы лечить каверзные проклятья и убирать последствия неправильно наложенных заклятий, – подхватила я, – все это нужно знать в совершенстве. И, к слову, от тех, кто здесь учится, тоже мало толку в настоящем сражении. Они, конечно, боевые маги, но опыта у них нет и войну они видели только на картинках. По счастью, к Серым Скалам взяли только взрослых магов.

– Что ж, – Нольвен прыгнула с подоконника, – надеюсь, твоя бабушка вновь знает все наперед и положит нам шторы. Приступим!

Руки моей лисоньки окутались черным дымом, и я поспешила напомнить, что мы не хотим никого убивать. А также безвозвратно уродовать и калечить.

– Жаль, – поджала губы Нольвен. – Мама не только наложила на меня вербальное проклятье, но и показала несколько своих новых разработок.

– Для нас главное – не пустить никого в комнату. И на балкон – чтобы не давили на жалость и не канючили: «Ну пустите нас, а то мы слезть не можем, а там уже обход».

Колдовали мы часа три. А то и четыре – с перерывами на обсуждение и стратегическое планирование.

– Надо стекло затемнить, – устало выдохнула Нольвен и села прямо на холодный балконный камень. – Лилей?

А цветок, не слушая окрика, соскользнул с балкона на плюш и скрылся там. Пошуршав немного, он вернулся назад. И я, сосчитав оставшиеся соцветия, севшим голосом спросила:

– А как размножается ложный лилейник?

Нольвен быстро пересчитала цветки и мрачно произнесла:

– Не знаю и знать не хочу. У нас герань.

Закончив накладывать защиту и прятать под колдовские щиты сюрпризы, мы вернулись в комнату и мрачно посмотрели на неразобранные чемоданы.

– По меньшей мере постельное белье вытащить надо, – уныло произнесла Нольвен.

– Надо спуститься вниз и заколдовать траву. – Я плюхнулась на жесткую постель.

– Зачем?!

– Чтобы никто не переломался, когда у нас все сюрпризы жажнут, – вздохнула я. – Ведь виноватыми окажемся именно мы.

– Да ладно, – усомнилась Нольвен. – Самолевитацию еще никто не отменял.

Но под моим скептическим взглядом она быстро стушеввалась и смирилась.

– Может, просто сверху сбросим пару батутных плетений? Ну третий этаж, Мэль. Вниз-вверх, а кормить нас будут только завтра!

– Ладно, – согласилась я. – Мне тоже не хочется никуда идти.

Мы сбросили вниз с десятка батутных заклятий и на этом успокоились. Никто не погибнет: даже если кто-то сорвется, его спасет заклятье, выдуманное специально для маленьких детей. Хотя Мера с помощью этого заклинания вишню собирает, так что не такое уж оно и детское. Скорее многофункциональное.

На остатках силы воли мы распаковали чемоданы и достали постельное белье. Притащенные комендантом сундуки, переданные от Меры, мы поставили в центре комнаты и твердо решили: все завтра.

– Проверим только на предмет еды, – спохватилась Нольвен.

И действительно, в первом же сундуке обнаружили две фляжки с чаем и сверток с бутербродами. И шторы.

– Я люблю твою бабушку, практически как свою, – сказала Нольвен, жуя бутерброд. – Но иногда я ее боюсь. Вешаем шторы и спать.

– Вечер только начинается. – Я покосилась за окно.

– Я устала, я буду спать. А ты как хочешь.

Крепко подумав, я решила не издеваться над уставшим организмом и тоже лечь. Сразу после того, как повесим шторы.

– А что Лилей делает? – удивилась Нольвен, когда мы при помощи магии, ругани и спешно наколдованной табуретки закрыли окно плотной темной тканью.

– Жилье свое достает. – Я подошла к сундуку и помогла цветку вытащить увесистый, полный жирной земли горшок. – Ты тоже спать?

Лилей склонил соцветия, ловко запустил корешки в землю и превратился в зеленый шар – соцветия спрятались, а узкие листочки скрутились вокруг них.

– Ответ исчерпывающий. – Нольвен зевнула. – Все по коечкам.

Переодевшись и вытянувшись под одеялом, я вспомнила о том, что мы упустили:

– Нольвен.

– М-м-м, – раздалось с кровати Нольвен.

– Мы дверь не заколдовали.

– Угу.

Моя лисонька всегда быстро засыпала, и разбудить ее было крайне сложно. Поэтому запор на дверь мне пришлось изобретать самостоятельно.

– Всем спокойного сна, – шепнула я и закрыла глаза.

И если б я только знала, какое нас ждет пробуждение...

Дрегарт Катуаллон

Здесь, в стенах целительского крыла, привычная боль отступила и ей на смену пришел чужой болезненный интерес. Я ощущал его кожей – взгляд пожилой колдуньи был наполнен смесью страха, отвращения и любопытства. Ее можно понять, перед ней, в конце концов, редкий представитель магического сообщества – живой Круг Истины.

– Вы можете быть свободны, студент Катуаллон, – проронила наконец квэнни Горм. – Хотя я бы предпочла понаблюдать за вами в течение пары дней.

– Благодарю, но не стоит. Иные целители уже наблюдали меня в течение пары месяцев, – с усмешкой ответил я.

На выходе из вотчины целителей меня перехватили близнецы.

– Ты должен поговорить с ректором, – с места в карьер начал Фил.

– Что сказала квэнни Горм? – одновременно с ним спросил Фраган и недовольно добавил: – Остынь, братец. Ректор принял решение, и изменить его не сможет никто.

– То же, что и всегда: можете идти, я бы вас понаблюдала, – усмехнулся я. – О чем я должен поговорить с Аделмером и почему?

– Можно подумать, она найдет что-то, чего не нашли другие целители. – Фраган закатил глаза. – Она все-таки школьная целительница – зарастить порезы, склеить кости. С чем-то сложным – в городской дом исцеления.

– А когда ее внучка тут практиковалась, ты так не говорил, – заржал Фил. – Дала тебе красotka от ворот поворот, а все потому, что не следует боевому магу к приличной девушке в мужа набиваться. Так она, кажется, сказала?

– И кто придумал, что братья должны друг друга поддерживать? – как будто в пустоту спросил я.

– Его подменили в младенчестве, – процедил помрачневший Фраган.

– Какие мы обидчивые. – Филиберта нисколько не тронуло недовольство брата, и он как ни в чем не бывало продолжил: – Ректор ерунду придумал: наша турнирная команда должна иметь в своем составе трех бойцов, одного целителя и одного алхимика. Что за бред? Мы хоть какой-то результат показываем только за счет круга дуэлей, а он...

– А он ректор Сагертской Военной Академии, – прервал я увлекшегося мага. – Отборочные испытания все еще идут, каждый день кто-то новый пробует себя на полосе препятствий и в дуэльном круге. Наша задача – выбрать среди целителей того, кто пусть и не покажет класс в дуэльном круге, но хоть не проиграет вчистую. И алхимика это тоже касается.

– Я должен был догадаться, что ты выступишь на стороне этого глупого решения, – ядовито усмехнулся Фил. – У тебя перед ректором должок, не так ли? Погулял три года и пришел...

– Доказав, что среди студентов нет никого сильнее меня. – Вокруг моих ладоней вспыхнул сиреневый огонь. – И как ты помнишь, Филиберт Гильдас, любой студент военки может бросить мне вызов и, в случае победы, вышвырнуть меня из Академии. Хочешь попробовать?

Фил отшатнулся и поднял вверх обе ладони:

– Я не идиот. Но ты не прав. Мы боевые маги, и мы должны показывать класс именно в боевой магии. С тех пор как у нас появилась кафедра военных лекарей, все пошло куда-то не туда. Зато у девчонок на этаже пополнение. Те красотики, синеглазка и рыженькая лисичка. И заселили их в сто четвертую. Ох и визгу сегодня будет!

Резко повернувшись к Филу, я ухватил его за воротник и процедил:

– Только посмей их напугать.

– Ого, – усмехнулся он. – А та белокурая красotka и впрямь тебя зацепила.

– Не злись, – Фраган положил мне на плечо руку, – так вышло, Гарт, что все мозги достались мне. И порой мне за это стыдно. А ты, Фил, поразмыслил бы, о чем подумают девчонки, когда в их спальню ввалится толпа боевых магов? Ты потом замучаешься доказывать, что не хотел ничего нравственно предосудительного.

– Да ну вас, – отмахнулся он. – Напугать куриц, чтоб рысью из сто четвертой слиняли.

– Фил, ты меня плохо понял?

– Нормально я тебя понял, – усмехнулся он. – Вот только ты весь поток собираешься утихомирить?

– Помимо тебя в этой Академии учатся и нормальные люди, – отбрил я. – Фраган, на сегодня есть кто-то из желающих пройти отборочные?

– Трое, – тонко усмехнулся мой друг. – Но знаешь, это будет зверской потерей времени. Волькан Ривелен уже третий раз будет пробоваться.

– Бедолага, – хмыкнул Фил, – надо же такому талантливому алхимику родиться в семье, где ценят только боевые качества. И он все пыжится, пыжится, а толку – ноль.

– Тем не менее мы не можем ему отказать в третьей попытке, – напомнил я.

Сегодня вокруг меня не было лжи. И это заставляло верить, что следующий визит в цельское крыло будет не скоро.

– Давайте на полигон и помолчим. – Фраган всегда хорошо меня понимал. Если бы не он, то пред ясные очи квэнни Горм я бы попадал куда чаще.

Глава 5

Я подскочила на постели с бешено колотящимся сердцем. Ох, Отец-Хаос, Мать-Магия, мне приснилось, что я иллюзорная бабочка и настало мое время принести себя в жертву ради зрелищного фейерверка!

Не успела я отдышаться, как грохнул салют. Что за?!

– Мэль? – хрипло позвала меня Нольвен. – Ты тоже это слышала?

Хлопнув в ладоши, я зажгла свет, и мы с лисонькой, босиком и в ночных рубашках, подбежали к окну. Окну, из которого на нас тарасилась неведомая нежить! Выпученные глаза, оскаленные клыки и вместо волос – тонкие шевелящиеся лианы!

Перепуганная Нольвен выдала свое коронное: «Ажуреть» – и тут же активировала последний щит – подвижный. Мы сделали его просто так и не планировали использовать! Все-таки выталкивать однокурсников с балкона – слишком жестоко, учитывая, что до земли три этажа.

– Что это было? – едва переведя дух, спросила Нольвен.

– Посмотрим? – предложила я и подошла к балконной двери. – Все-таки тут не должно быть опасных тварей.

– То, что считаем опасным мы, и то, что считают опасным боевые маги, – разные вещи, – разумно заметила Нольвен и, отодвинув меня от двери, первой вышла на балкон.

Что ж, кем бы ни были эти существа, порезвились они знатно. Зато наши сокурсники не попали в ловушки, а значит, отношения не будут испорчены.

– Порвали наши платки, – вздохнула моя лисонька. – Вот не надо было их использовать для создания иллюзии!

Вспоминая последний урок Меры, мы оставили несколько сюрпризов на перилах балкона и прикрыли все это тканью с туманным взором и копирующим заклятьем. Но Облака Невесты у нас не было, поэтому мы использовали свои трансформированные платки.

Из зарослей плюща послышался сиплый рык и угрожающий шелест. В руках Нольвен тут же зажглось черное пламя, но я успела первой!

– Нельзя их сжигать, – одернула я лисоньку. – По плющу пламя перекинется на все общежитие. А кого заставят ремонтировать? Нас. Мера нам спасибо не скажет!

– Ремонтировать? – удивилась Нольвен. – После черного пламени не ремонтируют, а строят заново.

– Тем более.

Замолчав, мы чутко прислушались: кто бы ни сидел в зарослях плюща, после моей анестезии он больше не желал нашей крови. Или чего хочет ночная нежить?

– Наверное, в военке есть свой зверинец, – задумчиво произнесла Нольвен. – Надо уведомить профессоров, что у них животные разбежались. А то ладно мы – наш балкон защищен. А если бы эти зверики вломились к ничего не ожидающим студенткам? Тогда бы точно военка осталась без общежития.

– Надо, – кивнула я.

– Ны-ы на-ад-о-о, – утробно проревело из зарослей плюща.

Моя лисонька со свистом втянула воздух и ударила на звук каким-то хитро вывернутым проклятьем. В этот же момент половина плюща стала прозрачной и нечто крупное, облепленное лианами, с воем рухнуло вниз! И тут же под грохот салюта подлетело вверх!

– А фейерверк один в один как наш, целительский, – задумчиво произнесла Нольвен. – Неужели у нашего Лилея есть своя магия?

– Ну, огонь он точно может производить. – Я пожала плечами. – Многие существа могут копировать чужие заклятья. Те же птицы Антариус. Правда, они под целительство заточены. И путешествия. Как Проглот, спутник жены Хранителя Теней.

А нежить тем временем продолжала подлетать. Слава Отцу-Хаосу, что салют больше не громыхал.

– Погоди-ка, – нахмурилась вдруг моя подруга, – а с каких пор нежить носит форму?

Создав осветительный шар, я максимально увеличила его яркость и послала вперед. Через несколько секунд подле моего творения оказался... незнакомый парень в форме нашей академии! Он весь был облеплен какими-то подозрительно знакомыми жгутиками.

– Лилей, – выдохнула я. – Вот что он делал в плюще.

– Наша герань смирно сидела в своем горшке, – твердо произнесла Нольвен. – А что уж тут в плюще понавырастало – не имею ни малейшего представления.

Мне стало неловко. В глазах парня, который на пару мгновений был безжалостно высвечен моим шаром, застыла какая-то обреченная безнадежность.

– Ты его еще пожалей. – Нольвен толкнула меня в бок локтем. – Он, вообще-то, планировал пролезть в нашу комнату. И неизвестно, что бы он с нами сделал!

Парень наконец перестал подлетать. Не то наше заклятье выдохлось, не то товарищи спасли. Ведь тот, которого мы подвижным щитом выдавили с балкона, не подлетел ни разу. А значит...

– Нольвен, – я резко охрипла, – почему не подлетел тот, которого мы спихнули с балкона? Может, он разбился?

Моя лисонька побледнела и бросила опасливый взгляд в черноту, расстилающуюся за границей нашего осветительного шара.

– Надо бежать в целительское крыло, – выдохнула она.

– Ты в крыло, а я вниз, стабилизирую его состояние и продержу живым до прибытия старшего целителя, – скорректировала я план Нольвен.

– Не надо, – раздался чей-то мрачный голос. – Я еще не упал.

От позорного визга я удержалась только потому, что прикусила язык и закричать не смогла просто физически!

Медленно выдохнув, я скастовала простенькое заживляющее заклинание и покосилась на Нольвен. Та ответила мне таким же недоуменным взглядом и громко произнесла:

– Может, имеет смысл довершить начатое?

– Хм-м, – я покосилась вниз, в насыщенную черноту, – думаешь, добросим до батута?

Моя лисонька так же скептически посмотрела вниз, перехватила управление над моим осветительным шаром и чуть-чуть приспустила его вниз. После чего задумчиво выдала:

– Надо посчитать. Для уравнивания нужно значение вектора личной силы мага, притяжение и... Не помню.

– Вес объекта, – подсказала я. – Но что из чего вычитают – не представляю.

– Умножают и делят, – важно произнесла Нольвен.

– Не на-адо, – проникновенно произнес парень. – Я сам сброшусь, только, пожалуйста, свет уберите!

– Ха! Стыдно? – тут же ощерилась Нольвен. – А лезть в спальню к двум ни в чем не повинным целительницам не стыдно было?

– А я виноват, что до вас не достучаться?! – возмутился парень. – Я костяшки пальцев об дверь сбил, предупредить хотел. Потом подумал, что успею на балкон влезть и в окно постучать, но...

Он замолчал. А я оценила, что, кто бы это ни был, он не сказал: «Лучше бы не связывался». То есть парень не пожалел о своем решении. И...

– Стучал? – Нольвен дернула меня кружевной край рубашки. – И мы не услышали?

– Ты уже спала, когда я защиту на дверь сооружала, – чуть смутилась я. – Так что могла и перестараться с усталости.

– Ладно, – усмехнулась моя лисонька, – эй, как там тебя? Залезай и давай знакомиться!

– Волькан я, – проворчал парень. – А залезть не могу, только упасть.

– Зацепился? – ахнула я.

– Нет, – мрачно ответил парень, – руки слабые, подтягиваться – не мое.

Переглянувшись, мы с Нольвен тяжело вздохнули:

– Ты, главное, ногами упирайся. А так мы тебя вытянем.

Пока я деактивировала свой осветительный шар, Нольвен сбегала в комнату и связала две наших простыни воедино. Ну и приложила их сверху заклатьем, поскольку надеяться только на узлы... Что ж, тот случай на втором курсе раз и на всегда отучил нас доверять нашему же умению вязать узлы.

Как мы втягивали Волькана на балкон – отдельная история, достойная полусотни недостойных слов. Крайне недостойных слов. Как мы при этом не свалились вниз – не знаю.

Но, втащив парнишку внутрь, мы все вместе зашли в комнату. И тут это тощее, высокое и сутулое чудо ярко заалело и устало в пол.

– А, прости. – Только в этот момент мы с Нольвен поняли, что казенные ночные сорочки не слишком длинные.

Закутавшись в одеяла, мы предложили Волькану сотворить себе стул.

– Ну, рассказывай, – велела Нольвен.

А Волькан, засмотревшись на Лилея, задумчиво уточнил:

– А это...

– Герань, – отрезала моя лисонька. – Как ты узнал, что нас собираются, м-м-м, навестить?

Тут Волькан покраснел, что вкупе с его черными волосами и тонкой, почти прозрачной кожей смотрелось просто убийственно.

– Я подслушал. Но я не хотел! Я просто... ну, собирался поговорить с Гартом, чтобы он... ну, обратил внимание на некоторые вещи, которые я покажу на полигоне. А услышал, что ребята собираются устроить веселье девчонкам из сто четвертой комнаты. А Гарт им запретил. И я решил вас предупредить.

– А Гарт – это кто? – осторожно уточнила я.

Нольвен же, поправив одеяло, встала и начала выпутывать из волос Волькана тонкие, подозрительно знакомые зеленые жгутики.

– Он капитан нашей турнирной команды. Он сильно старше и очень серьезный. И он думает, что все такие. А я сразу понял, что Фил не внял его приказу. Ай!

– Терпи, – осадил его моя лисонька. – Ты хороший и пострадал из-за нас. Поэтому мы тебя почистим и выведем, чтобы никто ничего не узнал.

– Спасибо. – Парень расплылся в улыбке.

– Почему он старше? – меня больше волновал именно этот вопрос.

Ну и еще мне было интересно, не тот ли это Гарт, который тушил огонь нашей «герани». Лилей, к слову, продолжал спать.

– Он окончил пятый курс три года назад и ушел. А в этом году вернулся. Он всем доказал, что нет боевого мага сильнее, чем он, – с восторгом произнес Волькан.

– Откуда ты это знаешь? – спросила Нольвен и вытащила из вихров Волькана последний жгутик.

– Я числюсь на боевом факультете, – парень пожал плечами, – там много говорят о Гарте.

Числюсь. Бабушка учила обращать внимание на слова. И если я правильно поняла, то... Не все в порядке у этого парня с однокурсниками. Но, вероятно, не стоит при первой встрече бить по больному месту.

– Ясно, – кивнула Нольвен. – Ясно. А на этаж ты как прошел?

– Меня друг за руку провел. Если, ну... – Тут Волькан покраснел как рак. – Если два девственника проходят сквозь барьер, то он не срабатывает.

– А, ну, значит, и наружу влегкую тебя выведем, – улыбнулась я. – Оправляй одежду, с этажа мы тебя выведем. И большое тебе спасибо.

– Да я же ничего не сделал, – уныло отозвался Волькан.

– Ты? Ты оказался честней и благородней всех остальных, – уверенно сказала Нольвен. – Ты замечательный, и мы рады с тобой познакомиться. Ой. Кхм, к вопросу о знакомстве, я – Нольвен Лавант, а это Маэлин Конлет.

– А я Волькан, – повторил парень.

Мне показалось странным, что он не называет родового имени. Неужели бастард?

«Впрочем, не стоит терзать парня. Сами узнаем, или потом расскажет».

– Мы будем рады общаться, – подытожила Нольвен и, скрыв зевок в кулаке, добавила: – Давай-ка выведем тебя и мы досыпать ляжем.

Вывести парня нам удалось легко: никто не патрулировал коридор.

Вернувшись в комнату, мы, бросив на балкон еще по паре заклятий, рухнули в постели. И проспали до самого утра, которое встретило нас «приятным» известием: ректор Аделмер желает видеть квэнти Конлет и квэнти Лавант в своем кабинете.

– Оперативно, – хмыкнула Нольвен. – До завтрака еще час, а ректор уже в курсе.

– Фейерверк гремел на всю Академию, – вздохнула я. – Что будем врать?

– Врать? – отстраненно переспросила моя лисонька, после чего погладила проснувшегося Лилея по узкому листочку и покачала головой. – Врать не будем. Будем осторожно умалчивать и скромно недоговаривать. Помнишь те упорные слухи?

– Про то, что в военке есть несколько амулетов правды? – припомнила я. – Что ж, будем исходить из того, что врать – плохо. К тому же мы не сделали ничего плохого. Единственное, за что нас можно наказать, – мы вывели того парнишку с женского этажа.

– А балкон зачаровали, потому что...

– Потому что тренировались перед тем, как принять участие в отборочных испытаниях!

– В точку, – кивнула Нольвен. – Давай-ка одеваться.

Подойдя к чемоданам, мы вытащили из каждого по два комплекта формы. Мужскую и женскую. Вопрос в том, что надевать?

– Платье, – уверенно произнесла моя лисонька. – Мы все из себя скромные и порядочные целительницы.

Переодевшись, я создала иллюзию зеркала и тяжело вздохнула. Но никто и не обещал, что форменное платье сядет по фигуре... Спасибо простым и незатейливым бытовым заклинаниям, которые быстро и просто исправят этот недостаток!

За пару минут мы серьезно изменили свою одежду – где-то укоротили, где-то удлинили. Кое-где стянули, а в некоторых местах сделали чуть пышней.

– Не мой цвет, – чуть поморщилась Нольвен, – но не рискну придать форме оттенок морской волны. Не стоит наглеть в первую неделю.

– Тем более что мы будем носить черную брючную форму, – согласилась я. – Потому что платье и боевая магия не сочетаются. Хотя твой дядя так не думает.

– Мой дядя думает о том, что ни ты, ни я не будем щеголять по городу в удобной тренировочной одежде. И если на нас нападут, то бандит не будет ждать, пока мы переобуемся, ослабим корсеты и подоткнем подолы.

– Я слышу не тебя, а алворига Лаванта, – поежилась я и повернулась к Лилею. – Сиди тихо, мы скоро придем.

– Если кто-то войдет – притворись геранью, – добавила Нольвен. – С меня сахар и чистая вода.

Я забрала со своей постели чуть помятое письмо, которое нам утром подсунули под дверь. И которое мы выдирали друг у друга из рук. Из-за чего оно, собственно, и потеряло свой внешний вид.

– Зачем оно тебе? – удивленно спросила моя лисонька и открыла дверь. – Карты там нет, я уже посмотрела. У студентов поспрашиваем. Тем более что дорогу до административно-учебного корпуса я запомн... Ого!

Едва только я вышла в коридор, письмо вырвалось из моих рук и превратилось в тускло-серый мыльный пузырь, который рос, рос и в итоге стал полноценным порталом. Вот уж действительно – ого!

Сквозь рябь портала мы увидели кабинет ректора Аделмера и его самого, сидящего на столе. Он поднял глаза от бумаги, которую внимательно изучал, и нетерпеливо произнес:

– Ну, чего застыли? Вперед, портал стабилен.

Мило улыбнувшись, я решительно шагнула вперед и, чуть качнувшись, тут же отошла в сторону, чтобы Нольвен об меня не споткнулась.

– Присаживайтесь. – Ректор широко улыбнулся и взмахом руки развеял портал.

А я в который раз задумалась над тем, где же скрыт его концентратор. Неужели ректор Аделмер, как и Мера, способен колдовать без «костылей»? Нет, я тоже редко использую свой концентратор, если идет речь о простейших воздействиях, но... Это ведь был полноценный портал! Не мелкие бытовые чары и не слабые, но хитрые защитные чары, а целый, побори его Хаос, портал!

Сев на жесткие, неудобные стулья, мы с лисонькой преданно уставились на ректора. Он только усмехнулся и, взяв с края стола несколько помятых листов, с выражением прочел:

– Объяснительная записка студента шестого курса Сагертской Военной Академии Филиберта Гильдаса. Я, Филиберт Гильдас, вышел ночью на улицу с целью подышать свежим воздухом, поскольку волновался из-за предстоящих мне отборочных испытаний и не мог уснуть. Подняв голову вверх, я увидел, что две студентки затаскивают к себе на балкон упирающегося и пытающегося спастись студента с моего курса. Я не мог узнать, кто именно это был, но я должен был его спасти, ведь неизвестно, что с ним могли сделать.

Я поперхнулась смехом и тут же получила тычок в бок от Нольвен.

– Есть и еще одна объяснительная, – ректор убрал один лист, – где студент утверждает, что плющ сам ухватил его и сам затянул на третий этаж. А он всего лишь пытался спасти свою жизнь и только поэтому попытался влезть на балкон сто четвертой комнаты.

Ректор Аделмер отложил в сторону все листы и подытожил:

– Всего у меня на руках четыре подобных объяснительных. Что вы на это скажете? И прежде, чем вы заговорите, знайте: я лично оценил и плетение батута на траве под вашими окнами, и ловушки, скрытые в плюще. И даже слоистые защитные чары на балконе. Неплохая поделка, но...

– Но вас наша защита не остановила, – поджала губы Нольвен.

– Хороший бы из меня был ректор Военной Академии, – хмыкнул он, – если бы я вляпался в ваши пакостные заклятья. Так что вы мне расскажете?

Мы с Нольвен переглянулись и тяжело вздохнули. Кажется, осторожно умолчать и скромно недоговорить не выйдет.

Ни один из рода Лавант не страдал излишней стеснительностью. И я знала об этом, но, увы, немного подзабыла.

– А что, – прищурилась моя лисонька, – нам, может, стоило стол накрыть?

Ректор опешил:

– Где накрыть?

Плюнув на конспирацию, я бросила на Нольвен заклятье немоты и покаянно произнесла:

– Мы слышали, что ребята хотят нас напугать. Вроде как проверить на крепость нервов.

– Услышали? – недоверчиво переспросил ректор.

– Мы заблудились в саду, – я развела руками, – и случайно набрели на ребят, обсуждавших, какую бы пакость сделать. Вот мы и решили ответить им тем же. Проверить на крепость нервов.

Не люблю врать. Прямо-таки ненавижу ложь во всех ее проявлениях. Но сейчас сию, вру и пытаюсь не покраснеть.

– А вы знаете, квэнти Конлет, что у меня есть амулет. – Ректор щелкнул пальцами и выхватил из воздуха черную лаковую шкатулку.

Я, не дрогнув, протянула руку и уверенно произнесла:

– Давайте его сюда. Я готова повторить свои слова.

Ректор Аделмер хмыкнул, откинул крышечку и вытащил из шкатулки матово светящийся шар. Я встала, подошла ближе и приняла в руки прохладную тяжесть. После чего уверенно произнесла:

– Вчера я и моя подруга услышали, что некие студенты боевого факультета замыслили забраться на наш балкон.

Шар побледнел. А я продолжила:

– Я и моя подруга нанесли на балкон смесь защитных заклинаний и пакостных чар. Мы также бросили на траву чары, чтобы никто не убился. Мало ли что? Вдруг бы у парней нервишки сдали?

– А фейерверк? – пытливо спросил ректор.

– Ни я, ни моя подруга не владем заклинаниями, способными создать подобное заклятье, – отчеканила я.

Ректор Аделмер вздохнул, забрал из моих рук шар, который вновь налился своим темным цветом, и убрал артефакт в шкатулку. Последняя замерцала и исчезла.

– Вы не солгали. – Он выхватил из воздуха трубку и набил ее табаком. – Но и правды мне не сказали.

– Разве так бывает? – скромно спросила я. – Ваш артефакт...

– Гадательный шар моей пра-пра-прабабки, – усмехнулся ректор Аделмер. – Просто кусок отполированного опала. Беспольный и драгоценный, но на студентов действует. Знаете, что я понял из ваших слов?

Я только руками развела и решила промолчать. А то мало ли еще что-нибудь поймет?

– Красноречивое молчание. – Он пыхнул трубкой, и по кабинету поплыл грушево-шоколадный запах. – Вас предупредили о готовящемся правонарушении, но ловушки уже были готовы. И тот, кто пришел предупредить, пострадал от них первым. Тот самый человек, которого видели другие студенты. Я прав?

А я молчу. Молчу и ничего не понимаю. Неужели ректор не знает, что сквозь сто четвертую комнату давно протоптана дорожка в девичьи спальни?

«Хотя девичьи ли», – хмыкнула я про себя.

– А еще я очень удивлен тем, что вы решились жить в аварийной комнате, – продолжил ректор. – Раз за разом студентки отказывались жить там, сетуя на сквозняки, полы, потолок и стены. В сто четвертой комнате нет ничего, на что не было бы жалобы. Все это я узнал сегодня утром. Все же я ректор, а не смотритель за общежитием. Вам есть что сказать?

– Мы тряпки в дырки подоткнули, и не дует, – мрачно произнесла Нольвен, сломавшая мое заклятье.

– И все? Мне показалось, что вы хотели сказать что-то еще, когда ваша подруга столь невежливо попросила вас помолчать.

– Я не в обиде, – отмахнулась моя лисонька. – Для нас это нормально. Когда у одной язык с привязи срывается, вторая тут как тут. И наоборот.

Ректор усмехнулся и выпустил огромный клуб дыма, который сложился в жуткую рожу. Рожа эта поднялась под потолок и там растаяла. Как и последующие фигуры высшего курительного пилотажа. Все это время ректор Аделмер молчал и улыбался. Улыбался и молчал. И в нем я видела донельзя довольную Меру, которая в очередной раз подловила нас с лисонькой. Но что не так?

– Что ж, – он выбил трубку, заклятием убрал грязь и улыбнулся еще шире, – я давал вам шанс сознаться.

Мы с Нольвен переглянулись, после чего перевели взгляды на ректора. Что уж тут, мы все равно при любом раскладе ни в чем не виноваты. Ну, кроме того, что наш фейерверк перебудил всю Академию...

– Каюсь, на общежитие я никогда внимания не обращал. – Он похлопал трубкой по ладони. – Как-то не до этого было. Но сегодняшний салют и мои лучшие студенты, с руганью подлетающие к луне, – все это было интересно. И вот что мне удалось выяснить: в превосходно отремонтированной комнате никто не хочет жить. Одна ночь – и девушки идут жаловаться. А ведь мы не экономим на базовых нуждах студентов. И я точно знаю, что в конце года все комнаты были в порядке: лично принимал работу строителей.

Упс, кажется, ректор и правда не знал, про студенческие развлечения.

«Что ж, теперь знает», – хихикнула я про себя.

– Подойдя к общежитию сегодня на рассвете, я оценил плющ и расположение двух балконов. С балкона восемьдесят четвертой комнаты крайне легко добраться до сто четвертой. А еще можно просто выйти на улицу и подняться по плющу до третьего этажа. Вопрос один: почему вы предпочли промолчать?

– Мы решили справиться своими силами, – спокойно произнесла Нольвен. – К тому же мы не были уверены, что к нам придут гости. Мы, можно сказать, готовились к прохождению отборочных испытаний.

Ректор хлопнул в ладоши.

– Вот и прекрасно. Я ненавижу, когда мне лгут, – это он произнес очень вкрадчиво, проникновенно. – Просто-таки не перевариваю ложь во всех ее проявлениях. А потому...

Тут он замолчал, вытащил из кармана какой-то мелкий артефакт, сжал его в ладони и четко произнес:

– Дрегарт Катуаллон, к ректору.

– А потому сейчас я вас представлю капитану нашей турнирной команды. Моим личным ректорским решением одна из вас будет зачислена в команду. В следующий раз вы трижды подумаете, прежде чем соврать мне. Вас не за что было наказывать. Правила академии не запрещают накладывать чары на комнаты. Но... – Он развел руками. – Врать ректору запрещено и карается очень строго.

«А еще студенты будут думать, что мы их заложили и за это получили место в турнирной команде. Жестокий, очень жестокий урок, ректор Аделмер», – мрачно подумала я.

– Вы хотите что-то сказать? – с интересом осведомился он.

Но прежде, чем я успела высказаться, заклятие немоты склеило мои губы.

– Мы все поняли, алвориг Аделмер, – голосом примерной девочки произнесла Нольвен. – Мы будем хорошо себя вести.

В этот момент раздался стук в дверь. А вот и капитан турнирной команды. Наверное, он еще не знает, что его день безвозвратно испорчен. Но неужели ректору настолько наплевать на турнир, что он решил добавить в команду одну из нас? Или это хитрый план?

Глава 6

Дрегарт Катуаллон

Срочный вызов от ректора не удивил никого: после ночного происшествия это было ожидаемо. Я только выдохнул, потому что получил возможность избавиться от нытья Филя.

– Тебя предупреждали, – рыкнул доведенный до предела Фраган. – Зачем ты туда сунулся?

– Меня больше бесит, что целительница отказалась убрать почесуху, – выплюнул Филиберт. – Для чего ее тут держат?

– Для того, чтобы она сращивала переломы и выводила гематомы после особенно неудачных тренировок, – отрезал Фраган. – Удачи, Гарт.

– Спасибо, – коротко ответил я.

Закрыв за собой дверь, я сотворил портал и переместился к кабинету ректора. Дробный стук в дверь, раскатистое позволение войти и...

Она стояла у окна. Невысокая, худенькая и чрезвычайно встревоженная. В пронзительно голубых глазах притаилась загадка, а уголки пухлых губ были грустно опущены.

– Девушки, вы успели определиться?

Рыжая и златокосая быстро переглянулись, и синеглазая сделала шаг вперед. Ректор удовлетворенно кивнул и громко произнес:

– Гарт, позволь представить тебе квэнти Маэлин Конлет, она будет частью твоей турнирной команды. Рядом с ней – квэнти Нольвен Лавант, дочь Идрис Лавант.

Что?! Ввести в турнирную команду вот это тощее нечто?!

– Ректор, вы...

– Это не обсуждается, – отрезал он.

– А может, обсудим? – с надеждой спросила квэнти Конлет. – Этот алвориг явно разбирается в сортах, мгм, магов. Он видит: я не подхожу. И Нольвен не подходит.

Удивительно, но в словах этой девушки не было ни капли лжи. Она не хочет участвовать?

– Мы все испортим, – кивнула ее подруга. – Дуэли – не наше.

– Дуэльный круг вытянут боевые маги, – отмахнулся ректор. – Ваша задача – не оплошать в остальном.

– Как они вытянут, если дуэли идут один на один? – спросила Маэлин.

– Не всегда, – был вынужден сказать я. – В прошлом мы всегда выбирали один на один, чтобы не так позорно проигрывать. Но если все согласятся, то можно выступить командой. Все против всех.

– Но тогда целители и стихийники будут против нас, – фыркнула Маэлин. – Это самый логичный поступок.

Ректор Аделмер пакостливо усмехнулся и вкрадчиво спросил:

– А разве вам, квэнти Конлет, не хочется оказаться в такой свалке?

Златокосая удивленно посмотрела на ректора и уверенно сказала:

– Нет.

И в ее словах вновь не было лжи.

– А если подумать? У вас ведь есть соперник. Целители и стихийники уже определились с составом своих турнирных команд.

Ректор щелкнул пальцами, и к квэнти Конлет подлетел листок. Она, ничуть не испугавшись, перехватила его, вчиталась и... Ого, не каждый боевик знает такие слова.

– Да, пожалуй, у меня есть причина, – признала она. – Но вам-то какая выгода? Все уже привыкли, что...

– Что Сагертская Военная Академия плетется в хвосте, – кивнул ректор. – Вырвите у них хотя бы второе место.

– Вы нас переоцениваете, – вступила Нольвен. – Очень сильно переоцениваете. Да и парней тоже. Им придется не только бить чужих, но и нас прикрывать!

– Гарт?

Я скривился:

– Это реально.

– Ты же должен быть на нашей стороне, – возмутилась Маэлин.

Пожав плечами, я спокойно ответил:

– А ты еще не поняла, что все решено?

Аделмер ухмылялся как сытый гырб. Что-то он задумал. Что-то большее, чем просто разбавить команду боевиков одной целительницей и одним алхимиком. Но что? Ему удалось повлиять на комиссию и протащить какие-то свои задачки? Вряд ли, он не сторонник подтасовки.

– Кстати, прошу простить мою забывчивость. Девушки, это Дрегарт Катуаллон, капитан нашей турнирной команды. Вашей турнирной команды. Гарт, забирай девушек и погоняй их по полосе препятствий.

– Их? – переспросила Нольвен. – Но мы решили, что участвовать будет Мэль.

– Гарт, ты можешь выбрать. – Ректор посмотрел прямо на меня. – Но учти, что у Конлет есть мотив. Рвать жилы, лишь бы победить.

Маэлин только вздохнула:

– Но кто-то другой может решить, что я буду поддаваться.

– А ты будешь? – усмехнулся ректор.

– Нет.

– Вот и все, – развел руками Аделмер.

Девчонка фыркнула и с ехидцей спросила:

– И этого «нет» достаточно?

– Вполне. Гарт, у тебя есть претензии?

– К словам или вообще? – равнодушно спросил я. – Она не врет. Но я по-прежнему не понимаю, для чего вы все это затеяли.

– Повезет – поймешь. Не повезет – что ж, наша Академия займет третье место. Вновь. Все, иди и изучай девчонок.

– Следуйте за мной, – коротко произнес я.

– Нам понадобятся все правила турнира. Есть же где-то свод правил? – Маэлин требовательно посмотрела на ректора.

– Все вопросы – к вашему капитану, – широко улыбнулся Аделмер. – Моя работа окончена.

Маэлин Конлет

«Моя работа окончена», – ворчала я про себя, когда мы с лисонькой пытались не потерять из виду Дрегарта.

– А он ничего так, – задумчиво бросила Нольвен. – Это он, кстати, был в парке. Когда, мhm, мы там гуляли.

В этот же момент Гарт резко обернулся и бросил на мою подругу нечитаемый взгляд. А после едва уловимым движением коснулся левого виска кончиками пальцев. Это было смазанное, как будто случайное движение. Но я готова поклясться, что это была инстинктивная попытка утишить боль.

– Ты заметила? – настороженно спросила Нольвен.

– Да, – кивнула я и, понизив голос, добавила: – Я думаю, что у него хронические головные боли.

– Согласна, – отозвалась моя лисонька. – И хочу дополнить, что эти боли, скорее всего, носят приливный характер. Будем лечить?

– Думаешь, дастся? – усомнилась я.

– Сначала изучим, – хищно улынулась Нольвен. – Он обернулся на нас, могли ли мы стать источником боли? Причиной, так сказать, возникновения симптома?

– Вполне. – Я пожала плечами. – Во-первых, мы источник стресса: ему в команду впили целительницу и, судя по его словам, алхимика. Во-вторых, у нас может быть тот тембр голоса, который провоцирует боль. И помимо этого еще есть столько разных вариаций проклятий!

И мне даже стало немного стыдно, когда до меня дошло, с каким смаком я произнесла последнюю фразу.

– Полагаю, капитану мы не скажем о том, что начинаем его изучать? Стоит завести журнал. Кто-то из нас должен держать его в поле зрения. Узнаем, отчего возникает болевой симптом, – пойдем, как лечить.

Я согласна кивнула и тут же добавила:

– Но не будем забывать о том, что это только теория. Он, в конце концов, мог вчера злоупотребить.

– Я это проверю, – уверенно произнесла Нольвен.

А я, вспомнив Стевена и его вырванный клочок волос, только посочувствовала Дрегарту. Но, право слово, ходит тут с головной болью, целителей оскорбляет! Нет чтобы принять зелье и не вызывать научный интерес!

«Это как тогда, когда весь наш курс оказался подле Стевена, всем хотелось попробовать себя в исцелении фурункулов», – хмыкнула я про себя. И ускорила шаг.

– Здесь вход полигон, – заговорил Гарт, когда мы подошли к нему, остановившемуся у кирпичной стены. – Провести сюда студентов может профессор или капитан турнирной команды.

Он положил ладонь на шершавый камень, и часть стены истаяла, пропуская нас в святая святых Сагертской Военной Академии.

– Я его себе иначе представляла, – кашлянула я.

Ну правда же! Я думала, тут всякие препятствия, пышущие жаром ямы с угольями и все такое! А мы оказались на крохотном песчаном пятачке, где, помимо нас, находились еще три простые двери.

– Полигон делится на три уровня сложности. – Тут он скептически на нас посмотрел и криво усмехнулся. – Надеюсь, что хотя бы первый уровень вы пройдете.

Эту насмешку я решила проигнорировать, а вот Нольвен подошла к Гарту вплотную и шумно принюхалась. После чего вернулась ко мне со вздохом произнесла:

– Перегара нет.

– И записать некуда, – посетовала я.

Дрегарт нехорошо прищурился и взмахом руки открыл одну из дверей:

– Добро пожаловать на полигон, шутницы.

Первой в портал прошла Нольвен. А я, проходя мимо Гарта, подумала, что было бы неплохо как-то оправдаться, чтобы не выглядеть совсем уж странными в его глазах. Но не нашла нужных слов. Да и он еще как-то странно дернулся, как будто хотел отскочить в сторону. Решил, что я тоже буду его обнюхивать?

«Или голова болит?» – мелькнула у меня мысль. И, прежде чем портал меня поглотил, я бросила в Дрегарта простенькое обезболивающее.

Вообще-то, наш закон запрещает такие вещи. Нельзя зачаровывать людей без их ярко выраженного согласия. Но нет на свете такого мага, которому могло бы повредить простенькое обезболивающее. Если, конечно, этот гипотетический маг не «сидит» на этом заклятии, обновляя его на себе снова и снова. Тогда да, может случиться всякое.

Портал выплюнул меня рядом с Нольвен, и я тут же спросила:

– Что будем делать? У тебя больше опыта, так что командуй.

На это моя подруга только плечами пожала:

– Будем идти вперед. Осторожно и медленно. Хорошо, что это не лес и не болото.

Я согласно кивнула. Мы стояли посреди серого коридора. Коридора, который был копией своих безликих сородичей из административно-учебного корпуса.

– Ничего не бойтесь, я наблюдаю за вами, – раздался откуда-то сверху голос Дрегарта. – Правила академии запрещают оставлять студентов без надзора. В случае, если вашим жизням будет угрожать опасность, я вмешаюсь.

– Эти слова должны были меня успокоить? – спросила я у Нольвен.

– Ну, я тоже большее внимание уделила словам «будет угрожать опасность», – хмыкнула моя лисонька. – Начинаем.

В этот же момент я бросила вперед заклинье-диагност. Как показала практика (под руководством Меры), это заклинье можно применить к чему угодно, главное – расшифровать отклик. И этот самый отклик сказал мне о том, что пол коридора надежно зачарован. Что ж, полагаю, это будет весело!

– Что мы имеем? – Нольвен прекрасно поняла, что я использовала диагност.

– Пол пропитан магией, – со вздохом произнесла я. – Ничего больше я различить не смогла.

– Ну, мрамор все-таки не живое существо, – пожала плечами Нольвен и выплела хитрую колдовскую петлю. – Да, тоже вижу магию. Но! Вижу чистые пятна. Использую особый взор Риграсса-Вальдо.

Ох, а вот это стыдно. И почему я сама до этого не додумалась?

Потому что слишком привыкла во всем полагаться на диагност. Возгордилась и забыла о более простых и менее затратных заклиньях. Диагност хорош тем, что его можно применить ко всему. Абсолютно ко всему! Органика и неорганика, артефакты или проклятые книги – все покоряется диагностическому импульсу. Вопрос лишь в том, достаточно ли тренирован разум мага, выпустившего оный импульс. Ведь вся суть в том, что заряд энергии, направленный на объект, возвращается назад в виде массива информации. И дальнейшее зависит от личных возможностей мага – кто-то принимает все, а кто-то лишь сотую часть. Я принимаю восемьдесят процентов, если импульс направлен на органику, и сорок, если изучаю неорганику.

Отбросив в сторону пустые размышления, я повторила заклинье Нольвен, и коридор в тот же момент расцветился яркими пятнами.

– Видишь пустые просветы? – свистящим шепотом спросила моя лисонька.

– Будем прыгать, как кролики, – вздохнула я. – Но там потом большой просвет. Я вперед, а ты держи левитацию наготове. Потом наоборот.

Подхватив юбку, я взяла небольшой разбег и прыгнула на первое безмагическое пятно. Чудом удержав равновесие, тут же перескочила на следующее. Прыжок, еще прыжок! И все время вокруг меня кружилась теплая сила Нольвен. Моя лисонька была готова в любой момент подхватить меня.

– Все! – Я махнула рукой. – Теперь ты.

И я, как и Нольвен до этого, окружила подругу левитационными лентами. Но стоит признать, что прыгает моя лисонька не в пример лучше меня. Все-таки дядя ее давно гоняет.

– Знаешь, – сказала я, когда Нольвен оказалась рядом со мной, – теперь я знаю, почему ректор так спокоен. Почему он разбавил команду боевых магов не боевыми единицами.

– Н-да? Ну-ка, удиви меня, – хмыкнула Нольвен.

– Все просто, – фыркнула я. – Настолько просто, что даже обидно: мы могли додуматься до этого сразу.

Выдержав короткую, но эффектную паузу (нетерпеливая лисонька зажгла на кончиках пальцев темное пламя), я с удовольствием произнесла:

– Мы, как боевики, не можем быть сильно хуже тех, кто будет противостоять нам в дуэлях!

Нольвен ошеломленно на меня посмотрела и медленно кивнула:

– Ну да. Погоди... Получается, ректор практически ничем не рискует?

– Он и так ничем не рискует, все же военка и правда сильно сдала за последние годы. Я имею в виду, что они стабильно на третьем месте. Ну а на результат дуэльного круга никто и не смотрит толком. Ладно, дальше нет ни единого просвета. Что будем делать?

– Попробуй диагност?

– Уже, – я покачала головой, – просто зачарованный пол.

– Попробуй разные участки пола, – нетерпеливо предложила Нольвен. – Знаешь же, что у меня с диагностом все плохо!

– Почему? Ты идеально принимаешь отклик от любых жидкостей.

– Пол не жидкость.

Возобновив особый взор Риграсса-Вальдо, я приняла бросать диагност в различные цветные пятна.

– Еще пять-шесть откликов, и у меня будет перегруз, – предупредила я подругу. – В общем, фиолетовые пятна не несут опасности для организма. Остальные... Сложно сказать, ничего смертельного.

Фиолетовые пятна принесли нам почесуху. Причем такую почесуху, от которой не удалось избавиться!

– И вот перед нами дверь. Глупо надеяться, что за ней выход, да? – с тоской спросила Нольвен. – Мне здесь тошно и скучно.

– Ты бы хотела побегать по бревну, облитому маслом? И чтобы внизу были языки пламени, а по бокам свистели стрелы? – с интересом спросила я и попробовала просто открыть дверь. – Зачарована.

– Хм, знаешь, когда ты ставишь вопрос таким образом, – моя лисонька передернула плечами, – то я сразу понимаю, что меня все устраивает.

Дверь мы взломали легко – спасибо бабушкиной науке. Вот только за дверью оказался еще один безлико-серый коридор с полностью свободным, абсолютно немагическим полом.

– Я предлагаю бежать, – нервно произнесла Нольвен. – Я вижу черные пятна на стенах и потолке. Так что вполне возможно, что в нас что-то полетит.

– Тогда выставим щиты.

Выставив вокруг себя двойную защиту, мы рванули вперед. И в тот же момент вокруг нас начали взрываться огненные шары, а под ногами возникла тонкая пленка льда. Очень скользкого льда!

Нольвен поскользнулась первой, и я, не удержав равновесия, рухнула на нее сверху. В тот же момент пространство вокруг нас расцветилось фиолетовыми искрами и мы оказались на песке. И не просто на песке, а у ног Дрегарта.

Сев, я посмотрела в мрачное лицо нашего капитана и уныло спросила:

– Я так понимаю, это провал?

– Мы хотим попробовать еще раз, – выдохнула Нольвен. – Мы не были готовы!

– Разве враг будет ждать вашей готовности? – хмуро осведомился Гарт и протянул мне руку, помогая встать.

Приняв его помощь, я тут же подала ладонь Нольвен. После чего со сдержанным возмущением произнесла:

– Враг? Я-то, глупая, считала, что это лишь тренировочная полоса, а не враг. Или ваши боевички тоже по полосе прыгают в платьях и туфельках? Мы, так-то, шли на разнос к ректору, а не...

У меня кончились слова, и я просто обвела рукой три сияющих портала. Стоп, что? Они же выглядели как обычные двери! Впрочем, сейчас это неважно.

– Полностью поддерживаю, – кивнула Нольвен. – Дай нам два часа на подготовку, капитан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.